

Письма Евсевія Архієпископа Могилевскаго къ А. В. Гор- скому.¹⁾

1.

Другъ мой любезнѣйшій,

Александръ Васильевичъ!

Благодарю тебя за письмо. Рекомендованныя тобою книги
вношу въ свой небольшой каталогъ.

Преосв. Иннокентія я не имѣлъ удовольствія видѣть. Мы
ожидали его въ Семинарію, но онъ не пріѣхалъ. Его слово
о Церковности я давно читалъ въ Студенч. запискахъ на
его уроки, хотя нѣсколько несходно тамъ это высказано,

Разширенія круга дѣятельности Вашей Конференціи очень
желаю...

Ты, Другъ мой, не спросилъ у меня, что я теперь дѣлаю?

¹⁾ Письма Архіеп. Евсевія печатаются по подлинникамъ принадлежавшимъ
редакціи „Б. В.“ и нынѣ переданнымъ въ Библіот. Имп. Моск. Д. Ак.
Примѣчанія 1—31 и 64 составлены свящ. А. М. Бѣлоруковымъ, а осталь-
ныя были найдены приписанными на самыхъ письмахъ. *Ред.*

Архіеп. Евсевій (Орлинскій), магистръ восьмого курса, товарищъ А. В.
Горскаго. Передъ окончаніемъ курса постриженъ въ монашество (29 мая
1832 г.) и по окончаніи курса опредѣленъ инспекторомъ и профессоромъ
церковной исторіи и греческаго языка въ Виѣвскую Семинарію. А. В.
Горскій по окончаніи Академіи былъ опредѣленъ наставникомъ церковной
и гражданской исторіи въ Москов. Семинарію. Въ слѣдующемъ году А. В.
перемѣщенъ въ бакалавра церк. исторіи въ Академію, а въ ноябрь 1834 г.
въ Моск. С—рію назначенъ инспекторомъ буд. Архіеп. Могилевскій. Съ ав-
густа 1838 до 1842 года Евсевій служилъ въ Академіи, сначала инспекто-
ромъ, а съ ноября 1841 г.—ректоромъ.

Вторая часть писемъ относится къ тому времени, когда бывший ректоръ
управлялъ Могилевской епархіей въ санѣ архіеп., а А. В. сталъ однимъ
изъ его преемниковъ. Высокир. Е—ію принадлежитъ нѣсколько трудовъ.
Перечень ихъ и болѣе полную біографію автора см. въ Ист. М. Д. А.—і:
С. Смирнова, стр. 426—8.

А если бы спросилъ, я бы со стыдомъ сталъ отвѣчать: вотъ съ начала трети доселѣ, почти въ буквальномъ смыслѣ, ничего не дѣлалъ на бумагѣ. Не знаю, посему то много случайныхъ отрывокъ (отъ дѣла); не могу дня выбрать, чтобы посвятить его на любое дѣло...

Да, и Ваша корректура иногда два и три часа на день отнимаетъ, хотя на это я никакъ не жалуясь. А скажу тебѣ, Другъ, по дружески: пожалуста, обращайтесь вниманіе на языкъ! Печатаемое сочиненіе съ этой стороны не выгодно рекомендуетъ нашу Академію. Есть въ немъ обороты весьма странные, — совсѣмъ не русскіе. Это стыдъ мѣсту...! Гдѣ легко поправить, чрезъ измѣненіе нѣсколькихъ словъ, я имѣлъ смѣлость поправлять; но это сопряжено съ большими затрудненіями. Случилось разъ, что я четыре непонятныхъ строки замаралъ; а въ типографіи поэтому должны были три четверки снова перебирать, что сдѣлало труда одному человѣку почти на цѣлый день. Андрей Ивановичъ ²⁾ (которому мое почитаніе!), пересматривая рукопись, кажется, смотрѣлъ собственно только на пунктацію: вѣрно такое было порученіе! Но и съ этой стороны не безъ грѣховъ осталось дѣло, хотя ихъ гораздо менѣе прежняго. Нужно почаще печатать, чтобы пріучиться готовить дѣло на показъ свѣту!!!

Я, Другъ, собираюсь что нибудь написать для учениковъ о мірѣ, т. е. изъ Cosmolog..., но не знаю, какъ руки приложить, пособія совсѣмъ не имѣю, и какіе дать ей предѣлы, не придумаю. Я другое дѣло—мои ученики конечно не такъ будутъ взыскательны, какъ Ваши Г. Студенты: напишу листа два, три—и довольно.—Если бы Вы мнѣ могли указать или дать пособіе, я съ большою бы благодарностію принялъ и совѣтъ и помощь.

Прости, Другъ!—Мнѣ что-то скучно; отъ чего то ревность постепенно ослабѣваетъ; ужъ не отцвѣтаетъ-ли дѣятельная жизнь моя?—Говорю, представляя непостоянство и ничтожество человѣка... Какъ онъ слабъ, какъ малъ, какъ преходящъ въ своемъ явленіи!!

Прости, Друге! да укрѣпитъ тебя Господь въ силахъ духа и тѣла—на дѣла благая!

Твой—гр. Евсеvій.

Генвар. 31 д. 1831.

²⁾ Смѣловскій, бакк. словесности.

2.

Любезнѣйшій мой Другъ,
Александръ Васильевичъ!
Милый Другъ!

Гдѣ ты? Я спустилъ тебя съ глазъ, долго слѣдилъ за тобою мыслями, но только до Ростова,—далѣе мои мысли потеряли дорогу. И теперь—хочу представить и то и другое, но все однѣ мечты, или и вещественность, но едва замѣтная въ мечтахъ... Но что до того?..

Миръ тебѣ, мой Другъ, въ странѣ родимой, въ объятіяхъ искреннихъ, кровныхъ! Здоровья и спокойствія тебѣ, мой Другъ, желаю отъ всего сердца.—Какъ тебя Богъ донесъ до милой родины? благополучно ли? спокойно ли? пріятно ли?—Мирный, свѣтлый Ангель Господень да будетъ твоимъ хранителемъ, цокровителемъ и утѣшителемъ! Свѣтлость лица небснаго Посланника да озаряетъ твою душу лучами небснаго мира и веселія!—Того же, Другъ, желаю отъ сердца, предъ Богомъ, и всѣмъ твоимъ искреннимъ: и Папинькѣ и Маминькѣ и... мое имъ глубокое почитаніе! Твоего братца поцѣлуй отъ меня. — и пожелай всего добраго, особенно такого—вспомни какого желалъ я ему дня за два до нашего отпуска—сидя съ тобою въ саду около полуночи...

Я, мой Другъ, не хотѣлъ къ тебѣ писать прежде, нежели отъ тебя получу письмо: но вотъ одна ваша почта миновала; до слѣдующей еще недѣля, а мнѣ вмѣсто многихъ писемъ, коимъ я хотѣлъ посвятить вакацію, послѣ одного, посланнаго къ родителямъ, никуда болѣе, кромѣ тебя, или нельзя или не хочется писать. Потому упреждая твое письмо къ тебѣ пишу.

Что, Другъ, прикажешь писать? Отъ сердца ли и о сердцѣ?.. Объ Академіи ли? о новомъ ли, что слышно? О всемъ скажу хотя понемногу, сколько на семь листкѣ помѣститься можетъ.

Я, Другъ, доселѣ довольно спокоенъ, хотя и не веселъ. Но какое то ровное, холодное. сіе спокойствіе начинаетъ уже и наскучивать. Бывало, найдутъ часы скорбные, смутные, несносные,—и какое же слѣдствіе? Чѣмъ смѣнялась сія душевная непогода? Ты знаешь!.. А теперь, вотъ уже дней пять и шесть проходитъ,—и я ни на часъ не повстрѣчался

съ тѣмъ торжественнымъ состояніемъ души моей, въ которомъ все существо мое, какъ замерзшая отъ холода зелень—при благотворной теплотѣ солнца—оживлялось, и предавалось радостнымъ восторгамъ. Теперь, куда ни пойду, вездѣ—одно и то же равнодушіе держитъ мое сердце: будто не скучно, но и не весело у себя—въ моей уединенной комнаткѣ; пойду въ садъ, и тамъ тоже, пойду въ другой, и тамъ ни лучше ни хуже; зайду въ Церковь, и здѣсь ни хладенъ ни горячъ, — а таковымъ страшный приговоръ!.. Тебѣ, мой Другъ, желаю лучшаго состоянія! Дай Богъ!—Но не мечтаю ли я? Жалуюсь на спокойствіе! И состояніемъ спокойствія не доволенъ? Не безуміе ли? Виновать, братъ! Назадъ часа съ три я очень хорошо отзывался о своемъ положеніи одному изъ товарищей: но положеніе духа перемѣнилось, можетъ быть, на четверть часа и я заговорилъ другимъ тономъ. О непостоянство! Не вѣрь, Другъ мой: вотъ я въ сію минуту совсѣмъ не таковъ, какимъ себя представилъ: душа торжествуетъ; миръ тебѣ, мой Другъ! Чистой радости тебѣ, небеснаго веселія тебѣ желаю: дай Господи. Источникъ всякой радости и веселія! И на весь кругъ твоихъ—искреннихъ да преизольется полнота небеснаго мира и веселія!... Другъ! вспомнимъ — и объяснимъ настоящую перемѣну моего состоянія; говорить болѣе не стану о семъ.

Ко мнѣ, Другъ, началъ не рѣдко заходить извѣстный слѣпой П. И.: одинъ привѣтливый пріемъ съ моей стороны подалъ ему поводъ заходить ко мнѣ смѣлѣе. Но мнѣ уже и не такъ пріятно становится: въ обращеніи съ нимъ много нужно терпѣнія, а я мало его имѣю; это и бѣда! При томъ знающіе его болѣе меня, совсѣмъ не совѣтуютъ имѣть съ нимъ знакомства.—Оно началось противъ моего расположенія—еще года два назадъ; а какъ избавиться отъ него, не знаю.—Онъ, слѣпецъ—такой мудреной человѣкъ (подлинно, Господь умудряетъ слѣпцы); при всемъ моемъ къ нему видимо нерасположеніи—не признаетъ меня таковымъ: и по словамъ и по движеніямъ—въ слухъ мнѣ—изъясняетъ мое внутреннее состояніе и дѣйствительное къ нему отношеніе... И о семъ довольно.

Въ Академіи студентовъ около 50. Изъ Чиновниковъ только Феодоръ Александровичъ ³⁾ вчера отправился въ Москву, да

³⁾ Голубинскій.

нынѣ вашъ землякъ—Баккал. ⁴⁾ въ Кострому; прочіе всѣ пока дома. О. Ректоръ ⁵⁾ съ О Инспекторомъ ⁶⁾ собираются ѣхать вмѣстѣ до Москвы въ Понедѣльникъ (6 ч.). Но вотъ ихъ бѣда: не пріѣдетъ завтра Преосвященнѣйшій ⁷⁾; въ монастырѣ ждутъ, и онъ самъ въ письмѣ къ о. Намѣстнику ⁸⁾ обѣщался, хотя подѣ условіемъ, если важныя обстоятельства не попрепятствуютъ. Если пріѣдетъ, то, конечно, на нѣсколько времени должны будутъ пріостановиться; а по насъ, Богъ бы съ ними, хоть бы и поскорѣй: имъ также въ единообразіи жить наскучило!

Братія, Студенты, находящіеся въ Академіи,—скупаютъ настоящимъ временемъ свободы. И какъ не скучать ищущимъ внѣ себя удовольствія? Въ комнатахъ—и тутъ и тамъ запустѣніе; а внѣ комнатъ—куда не пойдѣ, все только по старымъ слѣдамъ, удовольствія же отъ собесѣдничества и у тѣхъ и у другихъ нарушились отсутствіемъ искреннихъ. Отъ того многіе ходятъ повѣсивъ голову, не зная, чѣмъ скуку разсѣять.—Садъ монастырскій доселѣ довольно посѣщается Студентами; я тамъ часто бываю; хожу по извѣстной, довольно длинной, треугольной дорожкѣ, и нерѣдко встрѣчаюсь то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ товарищей... Встрѣчался не разъ и съ С. Θ... чемъ; иногда онъ идетъ весело и напѣваетъ, а иногда въ задумчивости, потушивъ глаза въ землю; нынѣ поутру видѣлъ его съ книгою въ рукахъ.—Одни надѣются привыкнуть къ сей скучной, свободной жизни; а другіе хотятъ искать разнообразія, удалясь

⁴⁾ Павелъ Петровичъ Птицынъ, костромичъ, магистръ шестого курса, бакалавръ французск. яз. съ 1826 г. до 1833 г.

⁵⁾ Поликарпъ (Гайтанниковъ), о немъ см. стр. 355—359.

⁶⁾ Евлампій (Пятницкій), архим.; въ ноябрѣ этого же года переведенъ на должность ректора Виѣанской Семинаріи. Въ 1834 г.—еп. Екатеринбургскій. Былъ архіеп.—мъ Тобольскимъ † въ 1862 г. (Ист. М. Д. А. С. Смирнова, стр. 382).

⁷⁾ М. Филаретъ (Дроздовъ).

⁸⁾ Извѣстный намѣстникъ Тр.-Сергіевой Лавры Архим. Антоній. О немъ у гр. В. М. Толстого: „Хранилище моей памяти“ кн. 1-я, Москва 1891 г. стр. 79—84.—Архим. Ант.—ій былъ духовникомъ м. Филарета. Въ 1871 г. ему, по случаю сорокалѣтняго юбилея, былъ составленъ А. В. Горскимъ „чувствительный“ адресъ, который поднесенъ ѿ. отъ Академіи. („У Троицы въ Академіи“, стр. 123. 148).

куда нибудь отселѣ, хотя на время, либо въ Москву, либо въ Ростовъ или, еще куда. А мнѣ къ одиночеству не стать привыкать...

Скажу на конецъ и о томъ, что у насъ слышно новаго. Новости все, Другъ, непріятныя! Конечно, онѣ уже и въ Костромѣ извѣстны: но мнѣ какъ объ нихъ не поговорить? Тебѣ извѣстна моя къ нимъ страсть!!—Изъ Москвы слышно, что тамъ болѣе и болѣе открывается людей неблагонамѣренныхъ—и будто уже схвачено тысячъ около трехъ. По прошлой почтѣ молва пронеслась, что въ томъ числѣ чело­вѣкъ сто Студентовъ Университетскихъ; которые, по сказамъ, захвачены въ одномъ собраніи, составившемся для мятежническихъ видовъ. Въ продолженіе недѣли найдены другія тайныя небольшія общества поляковъ для тѣхъ же цѣлей; не въ одномъ мѣстѣ захвачены военные снаряды. Теперь предпріяты противъ всего того строжайшія мѣры. Да, душою заговоромъ было произвести въ опредѣленное время (говорили около 22 Августа) повсюду пожары и рѣзать безъ пощады вѣрныхъ сыновъ Отечества. Ту же молву подверждали въ другихъ городахъ. Впрочемъ въ молвѣ трудно отдѣлать прежде времени ложь отъ правды; и дай Богъ, чтобы все это было только пустою молвою, а не самымъ дѣломъ!

О Петербургѣ говорятъ и страшное: холера тамъ ужасно усилилась; и къ одной бѣдѣ присоединилась другая: по учрежденіи больницъ, подъ присмотромъ Квартальныхъ, какъ было въ Москвѣ,—чернь взволновалась и произвела страшное возмущеніе съ жестокими неистовствами, о которыхъ и говорить боюсь, если то правда. Государь Императоръ со всею Своею отеческою кротостію и снисходительностію едва могъ успокоить ожесточенныхъ... Извѣстно также по слуху, что корпусы Духовной Академіи обращены въ больницы; а Студенты переведены въ Семинарію, которая по выпускѣ Семинаристовъ оставалась пустою.—Какія кругомъ бѣды? Повсюду гнѣвъ Божій! Размыслишь и сердце содрогается! Одно другаго опаснѣе, одно другаго ужаснѣе!—О Господи! утоли язву, смири народы, вразуми обуявшихъ въ земной мудрости!..

Прости, мой Другъ! Мнѣ время спать: уже настаетъ часъ полуночи. Мирнаго тебѣ сна желаю; Господь да будеть съ

тобою, и радостное утро да встрѣтитъ тебя на лонѣ родимой природы!

Твой искренній, и по рукѣ и по сердцу тебѣ извѣстный...

Юля 3 дня 1831 г.

3.

Другъ!

Любезнѣйшій!

Не бранишь ли ты меня?—Но я молчу,—и ты молчишь: слѣд. мы равны. Знаю, что и у тебя—не безъ дѣлъ: извинишь и меня по тѣмъ же дѣламъ.—Кажется, не лѣнюсь, а между тѣмъ—все неисправенъ!.. Не бѣда ли!.. Но Богъ видитъ!—А я существо конечное,—и между конечными малое... Не ропщу, не скучаю...

Друже! у меня образъ человѣчества предъ глазами: это мертвый во гробѣ! Одинъ изъ тѣхъ, о благѣ коихъ заботиться Промысломъ предоставлено и мнѣ! — Такъ, Другъ, исчезаютъ дни человѣческой жизни!—Помыслилъ,—и смутился... Господи! спаси насъ!

Тебѣ желаю мира,—не земнаго! Не забывай искать его: онъ недалеко отъ ищущихъ его; Господь богатъ имъ, и всѣмъ ищущимъ и просящимъ у Него даруетъ. Другъ мой! возлюбленный мой! не обольщайся силою міра и всѣми его богатствами, всѣмъ, что дорого онъ цѣнить: все сгоритъ, развѣется, исчезнетъ какъ мечта!—Господи! посли Ангела наставника, вразумлять насъ!

Но позволь сократить письмо: нужно другое дѣлать. О мнѣ, что хочешь знать, спроси у какогонибудь ученика изъ нашей Семинаріи; можетъ быть, скажетъ, что знаетъ. Скажи, что я ему позволяю говорить о себѣ все, что хочетъ или знаетъ!.. Молвы я не боюсь: она вѣтръ: пусть вѣетъ; пусть рветъ; пусть заброситъ, или развѣетъ, что сложено изъ праха! Это естественно! Но духъ не прахъ: онъ выше области земной власти: вождельная отрада земному узнику!—Кажется, я мечтаю!—мечтаю!—

Прости! Прости, Другъ, предъ Богомъ говорю или и прошу... Господь да проститъ и помилуетъ тебя! (Но не будешь ли какънибудь у меня? Очень буду радъ! И жду!.. Но Господь!)

Искренній твой.

Февраля 5 дн. 1833 г.

4.

Любезный Другъ,

Александръ Васильичъ!

О Господѣ спасенія тебѣ желаю...

Время говорить и время молчать... и мы молчимъ: оба заняты дѣлами; нѣтъ досуга говорить, или не о чемъ... Мнѣ и настояла нужда написать къ тебѣ, но точно не было досуга. А нужно было написать тебѣ спасибо за салфетку. Деньги я послалъ къ тебѣ за нее чрезъ своего О. Эконома: конечно лучше тебѣ быть въ долгу у своей маминьки, нежели мнѣ, на котораго она разъ въ сумракѣ взглянула, и котораго совсѣмъ не знаетъ.

Друже, Друже! Господь тебя да успокоить! Попроси, пожелай и мнѣ мира отъ Господа: иногда я имѣю въ немъ нужду, какъ и сейчасъ, т. е. не имѣю его. Тамъ жалоба, а тамъ самъ видишь безпорядокъ,—хочется и такъ и иначе; какъ бы получше,—а смотришь и все не такъ... Бѣда!—Господи помоги!—

Какъ трудно ладить съ молодыми людьми или съ людьми... Гордость, дерзость, упорство, шалость, неопытность, невѣжество,—и всѣ страсти растлѣнной природы человѣческой: это стрѣлы, которыя нужно умѣть сокрушать, чтобы сколько нибудь имѣть успѣха въ достиженіи цѣли.

Скажите, что слышите о... виновать!—Думаю, уже знаете, или конечно прежде полученія моего письма узнаете, есть ли доселѣ не знаете, о переменѣхъ въ Академіи — какъ О. Инспекторъ нашъ бывший низходитъ въ Нижній, а О. Филаретъ заступаетъ его мѣсто: это превратность дѣлъ человѣческихъ!—Если жизнь продлится, чается, не минетъ поспѣтить и... эта союзница человѣчества: Господи укрѣпи!

Я живу, по милости Божіей, пока такъ, какъ немногимъ мнѣ кажется, удастся жить на землѣ, въ этомъ шумномъ морѣ бѣдъ, скорбей... т. е. спокойно большею частію, а совершенно жить спокойно—возможно ли подъ симъ небомъ?—Какъ правлю, какъ учу—тебѣ другу я могъ бы самъ о себѣ говорить: но нѣтъ, кажется, нужды; можешь спросить у другихъ; нашихъ многихъ видишь; а другіе иногда вѣрнѣе судятъ о насъ, нежели мы сами..

Сказать ли тебѣ, что я слышалъ о тебѣ: тебя хвалятъ

весьма—твои ученики, но опытные, или болѣе опытные предъ другими замѣчаютъ, что ты нѣсколько не свободно объясняешься, а это, Другъ, не маловажный недостатокъ. Помнишь, какъ скучали намъ наставники, которые при подобныхъ недостаткахъ наскучивали нашему вниманію до нетерпѣнія иногда... Нужно всегда запасаться ясными представленіями о предметахъ, о которыхъ говорить преднамѣреваемся, чтобы быть въ состояніи свободнѣе выражать свои мысли: это, кажется, главное! На кафедрѣ готовить мысли поздно! Отъ сей неготовности естественно рождается застѣнчивость и совершенное иногда молчаніе... Поговорилъ бы, поговорилъ бы... но прости! Желаю тебѣ, причастившись страстей Христовыхъ насладиться полной радости о воскресеніи Господа Спасителя, Господь да спасеть тебя!

Твой искренній...

Март. 26 дн. 1833 г.

P. S. Да скажи, получилъ ли ты мое письмо, которое было послано объ сырной недѣлѣ съ Василиемъ Невоструевымъ? ⁹⁾

5.

Февр. 15 дн. 1835 г.

Любезнѣйшій другъ мой,

Александръ Васильевичъ!

Я очень радъ твоему письму, которое сейчасъ получилъ. Пріятно слышать, что ты мало имѣешь отдыха среди ученыхъ занятій: чѣмъ болѣе трудишься, тѣмъ, вѣрно, ты спокойнѣе и душа полнѣе пріятныхъ ощущеній. Я сужу такъ, основываясь на собственномъ опытѣ: я бываю спокоенъ и веселъ, когда мнѣ не препятствуютъ заниматься дѣлами. Но скучно, тяжело, больно,—когда то тотъ, то другой отрываютъ отъ дѣла, держатъ въ бездѣйствіи, душатъ пустыми бесѣдами!

О Другъ! Ты бы пожалѣлъ теперь о мнѣ, если бы видѣлъ и чувствовалъ мое положеніе. Не знаю, съ чѣмъ сравнить мнѣ свое положеніе. Мнѣ кажется, я живу какъ бы на площади въ гостиномъ или постояломъ дворѣ, и меня обяза-

⁹⁾ Канд. XI курса (1834—1838) г., въ это время студентъ 1-го курса А—мин.

вають быть дворникомъ. Сравненіе грубо, но походить на дѣло. Можетъ быть ты и не представишь, какъ мнѣ бываетъ почасту тяжело отъ этой обязанности, принимать на дворъ то того, то другого, какъ прискорбно, а иногда почти несносно—убивать драгое время въ пустой недѣятельности, отъ неудобства совмѣститъ мелочные разговоры съ серьезными дѣлами.

Февраля 19 дня.

Спасибо, что не позволили мнѣ много говорить, а то бы я и не звать что наговорилъ въ жару негодованія.—Поздравляю тебя, Другъ, съ Св. Постомъ. Да послужить онъ тебѣ во спасеніе, по благодати Господа.—Уже минуетъ другой день сей Четырнадцатниці, и я начинаю отдыхать отъ тяготы... и успокоиваюсь до времени... Благодарю за тетрадки; видно наемные писцы писали. Такъ я остаюсь должнымъ, а ты мнѣ не сказалъ, сколько. Не много я заглянулъ; но не много и увидалъ, а думалъ больше видѣть изъ подъ руки О. А.—Друже! Даешь ли или берутъ ли у тебя писать для меня Св. Писаніе? т. е. дописать меньшихъ Пророковъ, да еще Даниила Прор., а теперъ, говорятъ, есть въ Акад. и переводъ кн. Пророк. Іереміи и Іезекіиля, да еще что то: если правда, то какъ нибудь надо похлопотать.

Вы хлопочете о добромъ Журналѣ, да поможетъ вамъ Господь! Пріятно и слушать о вашихъ хлопотахъ, а пріятнѣе будетъ взглянуть на плоды сихъ хлопотъ. Конечно, трудовъ много предстоитъ; и сіи труды будутъ стоить не малаго. Смотрите, пожалуйста, за Батюшкою О. Инспекторомъ¹⁰⁾, чтобы онъ не сишкомъ горячо трудился, какъ бы отъ того не подвергнуться чрезмѣрной усталости, и не стать среди пути. Я боюсь сего, смотря на предстоящіе вамъ труды. Знаю, что все это дѣло будетъ преимущественно опираться на раменахъ очень немногихъ. Да и тебѣ, Другъ, тоже поставлю на видъ, хотя ты и самъ это знаешь: всему время и всему мѣра,—это золотая истина! Помни это и трудись съ Богомъ!

Я бы желалъ принимать въ вашихъ трудахъ дѣятельное участіе; но не знаю какъ удовлетворить этому желанію. Ты можешь ясно представить трудности, подлежащія мнѣ при

¹⁰⁾ Филаретъ (Гумилевскій).

исполненіи моихъ намѣреній. Вотъ я хотѣлъ было въ сырную недѣлю дня три посвятить одному дѣлу; а вмѣсто того не посвятилъ и трехъ часовъ, потому что нельзя было. Только нынѣ я написалъ строкъ десять; помолись Богу, да поможетъ Онъ мнѣ. Перелетѣлъ бы я къ вамъ, и сѣлъ бы хотя у тебя въ прихожей, только бы книги было гдѣ положить, да другіе поменьше мѣшали дѣломъ заниматься!— О мечты! отойдите вы отъ меня.

Готовится ли у васъ Программа? Взглянулъ бы я [на] нее, чая утѣшенія отъ выполненія оной. Не мѣшало бы, мнѣ кажется, послѣ сочиненій Отцевъ Греческ. Церкви, удѣлить мѣстечко и [для] сочиненій древнихъ или не такъ древнихъ Отцевъ и Россійской Церкви, напр., Димитрія Ростовскаго, Тихона Ростовскаго да можно бы кажется отрывать статейки и въ рукописныхъ томахъ Русск. Богослововъ, съ Латинскаго ли или Славянск. переводя на Русскій языкъ, и особенно статейки, годныя противъ нынѣшнихъ заблужденій или пороковъ. Для сего можно бы давать книги такого содержания и отдѣльнымъ Студентамъ, чтобы они отмѣчали, которыя мѣста позамѣчательнѣе. При семъ я бы заставилъ дѣлать замѣчанія и другого рода, именно: отмѣчать, какъ кто изъ нашихъ Церк. Писателей училъ о какомъ догматѣ, и какъ кто объяснялъ какоенибудь трудное мѣсто въ Св. Писаніи. Вѣдь у насъ въ нашей Греко-Россійской Ц. древнихъ толковниковъ не видно; а очень не мало можно находить толкованій на Св. Писаніе въ Проповѣдяхъ и др. сочиненіяхъ. Посему и духъ разумѣнія Св. П. въ нашей Церкви надобно отыскивать въ сихъ памятникахъ. Пора бы намъ полюбить и свои хорошія древности, и вырывать ихъ изъ архивнаго праха! О какъ мнѣ хочется видѣть все отечественное Церковное въ большемъ свѣтѣ!—Завелъ бы Археологическое общество; заставилъ бы членовъ его трудиться въ Архивахъ; заставилъ бы пересмотрѣть съ нужными извлеченіями—всѣ и Русскія и Греческія Священныя древности по вѣрнѣйшимъ кодексамъ! И что бы послѣ того?—Много еще, очень много остается... Но отъ жужжанія комара, конечно, ничего не будетъ: такъ лучше ему замолчать.

Вели, Другъ, мнѣ чтонибудь написать по Философіи: я тебѣ напишу; да не назначай тяжелой работы, чтобы не слишкомъ много времени требовалось на совершеніе оной.

Спрашивай, напр., что нибудь: я тебѣ дамъ отвѣтъ. Разумѣется вопросъ долженъ быть занимательный, чтобы отвѣтъ не былъ незанимательнымъ. Письмо легче написать и занимательное, — чѣмъ какое нибудь разсужденіе. Ты не поспѣешь ли моимъ затѣямъ? И правда смѣшно, такъ поскорѣй раздери мое письмо, чтобы оно другихъ не соблазняло.—А я бы тебя спросилъ; но ты можешь трудиться въ другомъ направленіи, имѣя болѣе и средствъ и времени, нежели я.

Зачѣмъ же ты мнѣ присылалъ толкованіе Гейденрейха на столь короткое время? Какую ты предполагалъ цѣль, препровождая ко мнѣ оное?—Въ двѣ недѣли можно ли мнѣ было онымъ воспользоваться? Да притомъ и другихъ три книги надлежало прочитать?—Съ Ив. Ѳеодоровичемъ ¹¹⁾ я ни одной книги не пошлю; потому что еще первой недѣли только половина будетъ съ серединою; а онъ ѣдетъ завтра. Зайдетъ ко мнѣ Степанъ Тимоѣичъ; ¹²⁾—пошлю; а не зайдетъ, самъ виноватъ будетъ; а я буду оправдываться тѣмъ, что не съ кѣмъ было переслать, если и позже пришлю. А Батюшкѣ Отцу Филоѳею ¹³⁾ въ ноги поклонюсь,—и онъ какъ добрый человекъ и монахъ проститъ меня. Впрочемъ, если придетъ Степанъ Тимоѣичъ, все возвращу: нечего дѣлать!

Да ты знаешь ли цѣль, для которой я ищу и прошу толковниковъ на 1 Посл. къ Коринѳ.? Если знаешь, то молчи: а не знаешь, то не спрашивай: мнѣ не слѣдуетъ вѣрить въ такихъ затѣяхъ; иногда и несбыточныя мечты мною овладають, и я самъ смѣюсь надъ собою.

Какъ ты живешь?—это ты скажи, или сказывалъ; а я скажу о себѣ, хотя отчасти и говорилъ съ начала письма. Видишь, что не совсѣмъ весело и спокойно, а иногда, правду сказать, и скучно. Все понятно?—Не всегда же такъ: вотъ теперь я спокоенъ и веселъ, можно сказать; хотя Св. Церковь призываетъ насъ къ Священной печали и сѣтованію о грѣхахъ. Но понимаешь, почему я въ такомъ теперь состояніи?—Потому что, по выходѣ изъ Церкви, никто мнѣ

¹¹⁾ Ив. Ѳеод. Загорскій, бакалавръ граждан. исторіи.

¹²⁾ Степ. Тим. Протопоповъ, бакалавръ философскихъ наукъ.

¹³⁾ Успенскій, магистръ, бакалавръ герменевтики и библейской археологіи, дѣйствительный членъ конференціи и бібліотекарь. Впослѣдствіи митр. Кіевскій.

не препятствуетъ заниматься дѣломъ, сидя въ кельѣ,—вотъ почему.

Ѣздить я почти никуда не ѡзжу вонъ изъ Семинаріи, кромѣ, куда совершенно нельзя не ѡздить. Что говорятъ о мнѣ Москвитяне, я и слушать не хочу. Когда меня вызываютъ изъ кельи; я обыкновенно шутя, но откровенно отговариваюсь: я монахъ; а ему уставъ велитъ болѣе сидѣть въ кельѣ; Богу молиться, да своимъ дѣломъ заниматься. По улицамъ ѡздить монаху стыдно. Я не привыкъ, и не люблю компаній, кромѣ келейныхъ и монашескихъ или ученыхъ. И т. под. Выѣхалъ было я съ О. Ректоромъ къ одному Протоіерю въ среду на сырной, да зато послѣ не поѣхалъ и къ тѣмъ, къ кому бы почти и надлежало; какъ то къ брату и еще его родств. по супругѣ. А причиною сему было то, что первый выѣздъ мнѣ слишкомъ много неудовольствій (хотя и неважныхъ) надѣлалъ.—Позволь, Другъ, перестать писать. О Московск. новостяхъ или слухахъ не скажу ни слова: я мало слышу и знаю, сидя въ кельѣ; ваши пріѣдутъ домой къ вамъ; больше, вѣрно, скажутъ, или наскажутъ, нежели сколько я знаю; потому что, какъ я сказалъ, я не знаю, что о мнѣ говорятъ. А если что нужно мнѣ знать, и это услышишь, то мнѣ передай, особенно такое, на что мнѣ слѣдуетъ обратить вниманіе.—Прости, Другъ! Да прости тебя Господь во всемъ, и да вселится Онъ въ тебя обильною и дѣятельною Своею благодатію, въ приобщеніи Св. Тѣла и Крови Своей!

Твой искренній... монахъ Евсевій.

[P. S.] Его Высокопреподобію, Батюшкѣ Отцу Инспектору свидѣт. мое почитаніе, благожелательство и поздравленіе съ Св. Четыредесятницею.

6.

Любезнѣйшій Другъ мой,

Александръ Васильевичъ!

О Господь спасенія!

Надѣюсь, что ты не оскорбишься моею просьбою. Вотъ мой зять Діаконъ подаетъ письмо твое; а съ нимъ—старица моя матушка и еще сестра, которая была крайне нездорова, а

теперь по милости Божіей, обмогается. Пожалуста, Дружокъ, напой ихъ чаемъ, чтобы имъ можно было сказать, что мы пили чай тамъ, гдѣ мой сынъ, или нашъ братецъ учился. Спасибо тебѣ, Дружокъ, скажу...

Я принялся писать не шутя, вслѣдствіе твоего выговора...

Твой искренній М. Евсеіи.

Мая 28 дн. 1835 года. ¹⁴⁾

7.

Любезнѣйшій мой Другъ,

Александръ Васильевичъ!

Я виноватъ; но какъ нибудь извини меня. И теперь только нѣсколько строкъ могу написать.

Желаю тебѣ мира Божія; желаетъ тебѣ сего моя душа... Тебѣ хотѣлось бы исправить и то, что... а я не хочу и спокоенъ!—Знаешь почему не хочу?—Потому что для насъ это также невозможно, какъ невозможно мнѣ взять себѣ на руки вашу Библіотеку, что [бы] свободно пользоваться всѣмъ, по произволу... Не правда ли?—Думать можно, но въ такихъ случаяхъ вліяніе думы на сердце надобно ограничивать.—Думаю, что на праздникъ будешь въ Москву: тогда подольше о семъ поговоримъ. Впрочемъ, что ты предполагалъ въ моихъ расположеніяхъ касательно твоихъ думъ, то ты почти безошибочно узнавалъ.

Вотъ, Другъ, о чемъ я теперь забочусь. Если Богъ дастъ миръ и здоровье, то слѣд. треть мнѣ надобно будетъ употребить на чтеніе Фско[и] ¹⁵⁾ Исторіи. А у меня, кромѣ Брукера ничего нѣтъ: какъ быть? Я хочу писать къ Фодору Александровичу,—просить пособія; да какого?—А?—Не знаю; скажи мнѣ. Всего броженія умовъ Ф[илософ]скихъ мнѣ никакъ нельзя раскрывать моимъ слушателямъ: это не совмѣстно ни со временемъ, ни съ потребностями слушателей; а хочется мнѣ сообщить имъ ясныя понятія о древней, средней и особенно новѣйшей Философіи. Для послѣдней, чтобы го-

¹⁴⁾ На листкѣ, посланномъ безъ конверта, слѣд. адресъ: „Его Благородію Въ М. Д. Академію Г. Бакалавру Александру Васильевичу, Милостивѣйшему Государю Горькому. Въ Сергіевскомъ Посадѣ.“

¹⁵⁾ Философской.

ворить о Кантѣ, Фихтѣ, Шеллингѣ и др. у меня уже ни клочка нѣтъ пособія. Что жъ дѣлать?—Кромѣ желанія быть удовлетворительнымъ для учениковъ, мнѣ хочется и для себя—воспользоваться временемъ и собрать, если Богу угодно будетъ, для будущаго яснѣйшаго понятія о Философахъ. Я хотѣлъ было просить Буле, т. е. для древней и средней Философ. Исторіи, а для новой не знаю чего. Притомъ и Буле не знаю у кого просить: изъ Библ. ли? или у Θ. Александровича?—Скажи мнѣ, Другъ!

У меня, Другъ, теперь начинается вакація: т. е. я кончилъ писать уроки для учениковъ; а теперь сяду за Богословскій столикъ, который, знаешь, стоитъ въ гостиной. Примусь или принимаюсь за прежнее дѣло, знаешь какое...

Да вотъ еще о чемъ тебя, Другъ, прошу, потрудишься, пожалуйста: попроси къ себѣ Семена Михайловича Поспѣлова,¹⁶⁾ если онъ здоровъ, и спроси у него: пришлетъ ли онъ мнѣ чтонибудь, что обѣщался прислать? Я ждалъ, и ничего не получилъ; я писалъ къ нему, и нѣтъ отвѣта!—Здоровъ ли онъ? живъ ли? и сего не знаю.—Взялъ онъ у меня одну книгу, которую уже надобно бы было возвратить мнѣ,—но и сего нѣтъ. Потрудишься, Другъ, узнай о семъ. Умникъ будешь.—

Прости! будь здоровъ: будь добръ и другихъ учи добру, и будетъ тебѣ за это спасибо!..

Ноября 26 дн. 1835 года.

Твой—М. Е.

P. S. На Введеніе, Другъ, я говорилъ проповѣдь въ своей Церкви,—сказать ли тебѣ о чемъ?—О томъ, что дѣтей съ самыхъ раннихъ лѣтъ дѣтства надобно посвящать Богу или благочестію христіанскому. Проповѣдь довольно длинна была, а написана въ моемъ тонѣ—т. е. самымъ простымъ языкомъ, и какъ можно ближе къ собесѣдовательной рѣчи, какъ я еще не говаривалъ. И слушателямъ это о. понравилось. Это меня болѣе утверждаетъ въ желаніи или смѣлости такъ говорить.—И какъ мнѣ желательно, чтобы и въ Академіи.

¹⁶⁾ Магистръ XII-го курса. Былъ преподавателемъ Впаанской Семинаріи, а затѣмъ перешелъ въ Москву и окончилъ службу благочиннымъ протоіереемъ Сергіевской, въ Рогожской, церкви („У Троицы въ Акад.“, стр. 442 примѣч.).

какъ можно, болѣе приучали къ этой методѣ, чтобы проповѣдники не разсуждали на церковныхъ каѳедрахъ по школьной методѣ!.. О бесполезныя мои желанія!..

8.

Любезнѣйшій Другъ мой,

Александръ Васильевичъ!

Желаю тебѣ добраго здоровья въ душѣ и тѣлѣ. Благодарю тебя за письмо твое.—Ахъ, Батюшка нашъ, О. Филаретъ боленъ! Бога ради не оставляй его; посѣти его и за меня; утѣши его въ скорбяхъ болѣзни, если имѣеть нужду въ утѣшеніи.—Правда, ты писалъ, что ему стало нѣсколько уже полегче: дай Богъ, чтобы и совсѣмъ было легко.

Благодарю, Другъ, тебя за хлопоты ради меня. Благодарю сердечно Феодора Александровича за совѣты. Свидѣтельствую имъ мое глубокое почитаніе. Но, Другъ, начавши хлопоты, уже потрудись ихъ докончить: помни, пожалуйста, о нихъ въ послѣдніе дни трети, и попроси у Феодора Александровича, что можно, или что они заблагоразсудятъ ссудить мнѣ: помни, о чемъ просилъ въ прежнемъ письмѣ касательно Семена Михайловича.—Да попросите Феодора Александровича, если они будутъ въ Москвѣ, не лишите меня своего посѣщенія: я буду ждать ихъ. Да и хочется мнѣ съ ними раздѣлить времени побольше, если бы это удобно было съ ихъ стороны.

Я, Другъ, еще былъ боленъ. А въ одинъ вечерній часъ собрался было умирать: но разгадалъ; потому что экзамень наступилъ. Впрочемъ, собрался было ѣхать къ Доктору Высоцкому; но онъ узнавъ о мнѣ отъ своего племянника, моего ученика, самъ пріѣхалъ ко мнѣ. Дѣло обошлось безъ аптекарскихъ рецептовъ: онъ мнѣ не велѣлъ только пить чаю по утрамъ, и больше двухъ чашекъ по вечерамъ: не велѣлъ употреблять пищи здобной и вообще неудобоваримой и вѣтры возбуждающей, хотя это я и прежде зналъ и соблюдалъ; велѣлъ по утрамъ на тощій желудокъ пить по стакану холодноватой воды и послѣ закусывать попорядочнѣе чегонибудь не тяжелаго, и еще кое что... поговорилъ.

Да сказывалъ при семъ и о томъ случаѣ, который думаю и вамъ уже давно извѣстенъ т. е. какъ найденъ убитый Сту-

дентъ Университетскій подѣ Каменнымъ Москворѣцкимъ мостомъ. Это сынъ давняго пріятеля Г. Высотскаго; 16-ти лѣтъ, по его словамъ благовоспитанный (хотя не таковъ онъ былъ по отзывамъ другихъ); жившій въ домѣ отца, какого-то Оберъ-Секретаря. Онъ оставилъ отцу своему записку съ увѣдомленіемъ, что умретъ не мучительною смертію; у мертваго на рукѣ найдено клеймо изображающее: чести моеи не уступлю другому (или другими словами, но эта мысль, найдены, впоследствии и еще люди съ подобнымъ клеймомъ сумасбродства внѣ Университета; уличаютъ нѣкоторыхъ изъ Университетскихъ Студентовъ.—Но не наше дѣло,—а не хорошо? и жалко!

Михаилъ Егоровичъ торгуетъ съ Сатариновымъ. Ему даютъ 2500 руб. въ годъ; а онъ еще хочетъ прибавки къ сему тысячи.

О скорби Юліи Васильевны съ Павломъ Петровичемъ ¹⁷⁾ я слышалъ давно. Да, Другъ, вотъ какъ радость человѣческая смежна со слезами! О человѣкъ, человѣкъ!—

Прости, Другъ,—Думаю, что у васъ кончится ученіе въ субботу предъ Праздникомъ,—а въ Воскресеніе ты будешь въ Москвѣ: а въ Понедѣльникъ зайдешь ко мнѣ,—тогда поговоримъ по больше, Если Господь позволитъ сему быть. Прости, Другъ! Да сохранить, управить тебя Господь по своей благодати!

Твой *М. Е.*

Декабря 18 д. 1835 г.

[P.S.] Батюшкѣ Отцу Инспектору низко кланяюсь: сердечно желаю и прошу у Господа добраго здоровья. Не пишу къ нимъ, потому что усталъ, экзамены довольно поутомили насъ. О Праздникѣ я къ нимъ пріѣду если не тѣломъ, то душею; хотя впрочемъ первымъ способомъ и не думаю ѣхать. Прошу засвидѣтельст. мое низкое почитаніе Отцу Филоею и Отцу Платону ¹⁸⁾.

¹⁷⁾ Юлія Васильевна—сестра А. В—ча Горскаго. Павелъ Петровичъ Птицынъ (см. „У Тр. въ Ак—ми“, стр. 765).

¹⁸⁾ Платонъ Фивейскій, магистръ IX-го курса. Баккалавръ церковной словесности (съ 1834 до 1842 г.), пастырскаго богословія (съ 1836 до 1842 г.) Англійск. яз. (въ 1837 г.). Впоследствии Архіеп. Костромской. † 12 мая 1877 г. Его сочиненія и болѣе полн. біографію см. „Ист. М. Д. А.—ми“

9.

Любезнѣйшій Другъ!

Желаю тебѣ добраго здоровья и во всемъ милости Божіей.

Пожелай отъ меня тоже и Батюшкѣ Отцу Филарету. Благодарю его за сообщеніе нѣкоторыхъ новостей въ письмѣ съ князькомъ.

Я живу, хожу, сижу-сижу и устаю. Отъ усталости сегодня ѣздилъ въ Новоспасскій Монастырь и именно, что бы хотя нѣсколько отдохнуть и свѣжимъ воздухомъ подышать; кста-ти и въ свои монастыри, т. е. къ ученикамъ заѣхалъ.

У насъ ничего новаго не слышно. Вчера у насъ одинъ ученикъ изъ высшаго отдѣленія умеръ, именно Алексѣй Лебедевъ; да также вчера или третьяго дня умеръ и ученикъ Виѣанской Семинаріи высшаго отдѣленія — Павелъ Доброхотовъ, бывший кажется въ Голицинской больницѣ.

Что будетъ у васъ слышно новаго, напиши, Другъ; спасибо скажу. А теперь тетрадокъ кучку отъ тебя жду, за которыя очень благодаренъ я тебѣ остаюсь... Я теперь пишу уроки ученикамъ, самыя краткіе, но эта краткость или эти уроки вообще мнѣ скучаютъ: времени много отнимаютъ...

Прости, Другъ! Будь весель о Господѣ!

Твой.

Генвар. 12 дн. 1836 г.

10.

Благословеніе отъ Господа

да приидетъ на Друга моего Александра!

Поздравляю, Другъ, тебя съ новымъ начальникомъ¹⁹⁾. Желаю вамъ подъ управленіемъ его наслаждаться желаемымъ миромъ. Содѣйствуй, Другъ, къ водворенію мира среди братіи.

С. Смирнова, 428—9 стр. Очень дѣятельный и строгій администраторъ. Нынѣ здравствующая внучка іерея Платоновской эпохи—одного изъ самыхъ глухихъ приходовъ Макарьевск. у., Костром. е—хія,—разсказываетъ о своеобразной чести, оказанной А—пу Платону ея дѣдомъ, во время объѣзда Пр—ымъ епархіи. Растерянный старецъ произнесъ многолѣтне Высокопреосвящ—ему „Платонищу“, на томъ основаніи, что въ приходѣ и староста Платонъ, и сторожъ Платонъ, а владыка почетнѣе ихъ.

¹⁹⁾ Филаретъ (Гумилевскій) сталъ Ректоромъ А—мина.

Гаданіемъ вижу, какъ теперь сердца многихъ скудны миромъ! Да пошлетъ Господь миръ на вашу ученую обитель! Да разсѣются волны сомнѣній и безпокойствъ! Господь любить миръ, и посылаетъ благословеніе на хранящихъ святой миръ, и благопоспѣшаетъ трудящимся въ семь миръ. Желаю предъ Господомъ, да будетъ онъ между вами!

Ну, Другъ, помогай Другу-Ректору. Особенно вотъ въ чемъ: удерживай его рѣшительный и иногда тяжелый характеръ. Можешь представить...

Я Другу—теперь сказалъ о семь только для слова, указавъ на змія и голубя: но теперь не время говорить болѣе.

Благодарю тебя много за тетрадки. Получилъ и отъ Петра Евдокимовича²⁰⁾. Какъ быть, Другъ! Я опять хочу предложить тебѣ просьбу... Не хочется говорить... стыдно... я все прошу... Замолчу... не хочется говорить... ай сказать... не почему мнѣ прочитатъ подробнѣе уроковъ Философск. Исторіи съ 17 стол. и особенно Канта. Подъ руками что есть, то это все сокращенія и слишкомъ короткія... Но не прошу, Другъ!— Я еще дочиталъ только до Сократа.—Прости!

Твой Е. М.

Генв. 31 д. 1836 г.

[P.S.] Братіи о Господѣ: Отцу Филоею (если онъ О. Инспекторъ, то поздравь его отъ меня), О. Платону и особенно Феодору Александровичу прошу засвид. мое усерднѣйшее почитаніе.

11.

Любезнѣйшій Другъ!

Александръ Василичъ!

Поздравляю тебя съ Св. Постомъ, и желаю тебѣ очищенія и освященія.—

Аа! попался, Другъ! Ну, теперь нечего дѣлать: надобно трудиться и трудиться, чтобы скорѣе перейти пороги...

А я хотѣлъ было воспользоваться нѣсколькими днями сырной недѣли, да не удалось. То тотъ, то другой гость— встрѣчай и проважай!—вотъ и дѣло! Вотъ и сей гость, съ

²⁰⁾ Подковскій, учитель Московск. Семинаріи: потомъ главный священникъ Арміи и Флота.

которымъ посылаю письмо, дня четыре погостилъ или просто поквартировалъ у меня. Это не новость на нашемъ по-дворьи!

Твое письмо получено отъ Г. Свѣтовидова 9 числа; въ немъ не болѣе сказано, какъ только о дѣлахъ Секретарскихъ... А я желалъ слышать о чемъ-то болѣе; не знаю о чемъ... Развѣ о томъ, какъ вашъ новый О. Ректоръ приступаетъ къ управленію,—и равно нарѣченный О. Инспекторъ ²¹⁾).

Не бранишь ли ты меня, Другъ, за тетради, — что долго не возвращаю. Виноватъ! еще не дочиталъ. А если нужны, то скажи: въ такомъ случаѣ я немедленно вышлю ихъ. Мнѣ хотѣлось добыть записокъ Кіевской Академіи О. Ректора на Догматическ. и Нравственную Богословію. Мой гость желаетъ мнѣ сдѣлать это одолженіе; самъ онъ сихъ записокъ не имѣетъ, но надѣется испросить у вашего Ивана Иларіоновича ²²⁾, его товарища. Устоитъ ли онъ въ своемъ словѣ, да и сдѣлаетъ ли по его просьбѣ Иванъ Иларіоновичъ, не знаю. А если бы согласился сдѣлать: то я тебя бы, Другъ, попросилъ быть посредникомъ, т. е. взявъ у него записки переслать ко мнѣ съ какимъ угодно условіемъ. ²³⁾ Нѣсколько

²¹⁾ Гедеонъ Виноградовъ, изъ ректоровъ Олонецкой Сем—рин.

²²⁾ Косминъ, магистръ Кіевской Ак—міи, бакалавръ опытной психологій и нравственной философіи.

²³⁾ Въ листкѣ этого письма находятся на одномъ почтовомъ листѣ письмо А. В. Горскаго къ Ивану Иларіоновичу Космину и отвѣтъ послѣдняго Александру Васильевичу:

„Иванъ Иларіонычъ!

О. Евсевій въ письмѣ, которое Вы мнѣ отъ него доставили, между прочимъ писалъ, что проѣзжавшій товарищъ Вашъ О. Августинъ доставившій ему нѣсколько тетрадокъ по Философіи обѣщался вмѣстѣ съ тѣмъ выпросить у Васъ для него записокъ бывшаго Вашего О. Ректора на Догмат. и Нравствен. Богословія. Въ случаѣ Вашего на то согласія О. Евсевій просилъ меня быть посредникомъ въ доставленіи этихъ записокъ ему.

Нынѣ я пишу къ О. Евсевію отвѣтъ: что прикажете мнѣ написать объ этомъ предметѣ?—Съ своей стороны и я бы просилъ Васъ не скрывать таланта, но вдать его торжникамъ,—если только Вы его имѣете. Просилъ бы этаго не только для О. Евсевія, но и для себя.

Въ Вашей волѣ не исполнить эту общую нашу просьбу и исполнить на какихъ Вамъ угодно условіяхъ.

Во всякомъ случаѣ остаюсь

Вашъ покорнѣйшій слуга А. Горскій.

тетрадокъ по Философiи я занялъ у сего гостя съ условiемъ, списавъ, отправить ихъ къ нему въ Тобольскъ. И это находка не малая: ибо часть тетрадей относится къ новѣйшей исторiи, которую, хотя кратко мнѣ хочется прочитать моимъ ученикамъ.

Да кто-то мнѣ сказывалъ, что съ Отцомъ Филаретомъ и меня представили кандидатомъ на инспекторскую должность въ вашей Академiи: правда ли это?—Впрочемъ нѣтъ нужды знать о семъ.—Нѣтъ основанiя думать, чтобы Владыка согласился на такое представленiе; а если бы и случилось такъ, то отчасти знаешь мои мысли о семъ дѣлѣ... Впрочемъ я, какъ и прежде, все мое поручаю Богу.. и въ сей преданности на всѣ стороны смотрю спокойно. Устою ли противъ искушенiй, не знаю; по крайней мѣрѣ приготавлиюсь стоять... и прошу помощи свыше... а искушенiй не избѣжать... Онѣ по всѣмъ дорогамъ встрѣчаются...

Желаю тебѣ мира и спасенiя

Грѣшныи *Евсевiй*.

Февр. 13 д. 1836 г.

[P.S.] Отцу Ректору свидѣтельствую мое почитанiе, и пока только. Часы ихъ я препроводилъ съ Г. Студентомъ Ивановомъ Головинымъ. Какъ взяты онѣ были отъ часовщика, такъ болѣе и не были заводимы для избѣжанiя грѣха т. е. чтобы опять какъ нибудь не испортилъ ихъ кто нибудь.

Марта 13 дн. 1836 г. 24)

Фев. 23 дня“.

Отвѣтъ на это:

„Александръ Васильевичъ!“

Съ большимъ моимъ удовольствiемъ исполнилъ бы вашу просьбу, но признаюсь откровенно, что я въ Академiи столько былъ лѣнивъ писать, что не только какихъ нибудь частныхъ записокъ, но и необходимыхъ для класса лекцiй никогда не писалъ.—Примите это за откровенность, а не за предлогъ отказаться отъ исполненiя вашего прошенiя.

Б[аккалавръ] *Ив. Косминъ*.“

24) Письмо датировано дважды: вверху стоитъ 13 марта, а въ концѣ номѣчено 12-мъ.

12.

Любезнѣйшій мой Другъ!

Александръ Василювичъ!

Да поможетъ тебѣ Господь! и да будетъ съ тобою!

Что у васъ новаго?—У насъ что-то мало слышно объ васъ. Бывало О. Инспекторъ Академическій что нибудь напишетъ ко мнѣ; а нынѣ сей источникъ изсякъ. Только изъ подъ твоихъ рукъ чаю слышать объ Академическихъ новостяхъ. Правда у О. Ректора теперь не до писемъ, можетъ быть. И я не пишу къ нему. Почему? спросишь. Не легко отвѣчать на этотъ вопросъ; не скрою, скажу правду: что-то рука не такъ смѣло берется за перо, чтобы писать къ нему. Богу извѣстны сердца человѣческія со всѣми ихъ измѣненіями, а сколько бываетъ ихъ при разныхъ обстоятельствахъ!—Я смѣло писывалъ къ О. И. Академіи; а могу ли также писать и къ О. Ректору Академіи?—Еще не знаю. Подожду.

Надобно правду сказать: въ Москвѣ носятся слухи не такъ пріятные. Я бы прямо написалъ о нихъ къ О. Р. новому, но, право, недостаетъ смѣлости.—А говорятъ вотъ что (скажу главное): будто О. Р. слишкомъ далеко или высоко началъ себя ставить передъ своими сослуживцами. Это начало, и изъ него многое выводятъ... не могу всему вѣрить, и не хочется,—и не стану говорить... пусть это для меня будетъ неправда!

Другъ! помоги ты немощи Друга, чѣмъ можешь! Мудрено споткнуться тутъ или тамъ—особенно безъ посоха идя по скольской дорогѣ?—А другъ долженъ быть посохомъ для друга!..

Твое письмо, Другъ, я какъ прочиталъ, такъ и бросилъ въ печь въ мелкихъ клочкахъ, чтобы оно какъ нибудь не вышло за двери.—Прерываю свою рѣчь: вотъ мой Александръ проситъ меня спросить у тебя: возметѣ ли вы меня или нѣтъ? Его душа томится съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ первая молва пронеслась о семъ дѣлѣ. Онъ молить Бога, чтобы сего не было.—А мнѣ кажется, что не будетъ. Я стою на срединѣ; а другіе, и кромѣ моихъ учениковъ, того же желаютъ за меня и гадаютъ, будто онъ... такъ долженъ благоразсудить... Если-де Моск. Инспекторъ былъ исправенъ въ своемъ дѣлѣ, то что же ему за награда, если его за четырехлѣт-

нюю службу изъ Профессора пожалуютъ въ Баккалавры М. Д. А.?—И что за находка опять и опять инспекторствовать?

Подобный судъ не одинъ разъ мнѣ приходилось слышать отъ другихъ лично, это, кажется, и походить на правду. А въ моихъ глазахъ, когда я стану на одну сторону съ другими смотрѣть, то это еще болѣе будетъ походить на правду. Я помню отношеніе О. Евлампія къ О. Поликарпу: ²⁵⁾ знаю обычное отношеніе О. Филарета къ О. тому же. И могу при сихъ представленіяхъ сдѣлать такое наведеніе: если и мнѣ суждено будетъ къ вашему О. Ректору быть въ такомъ же отношеніи; подвергаться такимъ же неудовольствіямъ, какія терпѣли и они: то можно сказать — лучше на настоящемъ мѣстѣ еще оставаться до... на годъ и на два... Я здѣсь, по милости Божіей, спокоенъ... Впрочемъ я поѣду, или поѣхалъ бы почти охотно, по настоящему расположенію, еслибы послали въ Акад.: тамъ книгъ много! И еще болѣе потому; авось либо при единодушій мы что нибудь успѣемъ сдѣлать! Буди воля Божія! Она лучше нашей!

Правда ли, что въ М. Д. А. скоро, скоро начнется изданіе Журнала?—О когда бы! — Я теперь занимаюсь между прочимъ выправкою переводовъ съ французск. Ученики мои переводятъ книжку: *Наставленія юношамъ въ христіанск. благочестіи*—извлеченныя изъ Св. Писанія и писаній Св. Отц. М. *Charles Ginet* 1754. А я съ ними же выправляю, хотя еще не много сдѣлано, потому что начали дѣлать только въ В. постъ. — Наставленія очень простыя и добрыя. Книжка въ 12 дол. 600 стран.; ученики перевели уже большую половину, а выправлено, хотя бѣгло, около 6-ой части. Позволь мнѣ приготовить къ изданію эту книжицу.

Большую часть времени у меня отнимаетъ исторія Ф—ин, а если присоединить пустыя ученическія задачки,—то можно сказать—почти все время у меня проходитъ въ сихъ занятіяхъ. Исторію среднихъ вѣковъ я опускаю; скажу кое что только въ одинъ классъ... А займусь нѣсколько подробнѣе съ Бакона начиная и дал. Пособія имѣю не худыя — въ Русск. запискахъ—съ Бакона до Канта изъ М. Д. А.: а съ Канта — до Гегеля, со включеніемъ сего — изъ Кіева Пр.

²⁵⁾ Евлампія (Пятицкаго) къ Поликарпу (Гайтанникову).

Скворцова. И довольно съ меня!—Изъ Евангельской исторіи —(по Гармоніи) я наконецъ читаю страданія Иисуса Христа и хотя кратко, но успѣшу прочесть до Страстной недѣли, чтобы послѣ Пасхи, если Господь дастъ жизнь и пр., начать говорить о Воскресеніи. Такъ приходитъ на конецъ и четвертый годъ моего чтенія сей Спасительной Исторіи! А безъ сего чтенія прошло не болѣе двухъ или трехъ классовъ въ Моск. Сем. со включеніемъ двухлѣтнихъ субботъ моего пребыванія въ Визан. Семинар.

Прости, Другъ! Господу помолимся! Господи помилуй!

Твой—грѣшный монахъ *Евсевій*.

[P.S.] Отцу Ректору низко кланяюсь, и желаю всего добраго ко здравію тѣлесному и ко спасенію душевному.

Марта 12 д. 1836 года.

13.

Христось воскресе,

Любезнѣйшій Другъ мой,

Александръ Васильевичъ!

И такъ мнѣ не ѣхать къ вамъ, а хотѣлось было, хотя не исполнѣ, впрочемъ по движенію лучшей части моей природы. Понимаешь, что я говорю?—Ну, вѣрно Господь такъ судилъ, а Онъ судить и опредѣляетъ не по нашему!

Вотъ вамъ опытнѣйшій О. Инспекторъ—Ректоръ! Всмотритесь въ него, и скажите мнѣ, какъ онъ тебѣ покажется равно и другимъ. Я его зналъ въ Семинаріи: онъ только курсомъ выше меня шелъ. Онъ у меня квартировалъ въ Москвѣ, но мудрено вдругъ распознать человѣка; одно только я узналъ очень хорошо, именно то, что скорбь глубоко, очень глубоко сидитъ въ душѣ его... Посуди, Другъ, самъ, какъ не скорбѣть?.. Мудрено побѣдить природу человѣческаго сердца—А другъ человѣчества долженъ быть другомъ такого человѣка, т. е. чтобы сколько нибудь облегчить тяжесть душевной болѣзни! Слышишь, Другъ, что я говорю? Я не заставляю тебя быть другомъ того человѣка, котораго я самъ не знаю, а прошу тебя только о томъ, чтобы твое слово было утѣшительно для сѣтующаго. Надѣюсь, что это будетъ. Мнѣ жалко больно скорбящаго! Поддержи въ сей мысли, въ сихъ

чувствахъ и Друга, О. Ректора. Это не малое благодѣяніе для человѣка! Мнѣ кажется, что ему недолго быть у васъ: потому зачѣмъ же ссориться или питать не радушіе, когда случай къ сему скоро минуетъ; а если долго пробудетъ, то зачѣмъ начинать непріятность, могущую быть бременемъ на долгое время?

У тебя, Другъ, новая работа: слава Богу! — Жалко, что дѣло идетъ все только еще о конспектахъ, а когда же напишется самая книга?

Друже, Друже! помогай О. Ректору! Окрылитесь крупѣ, поднимитесь надъ мглою нашей, ученой недѣятельности! О! на сіи то дѣла я полетѣлъ бы къ вамъ, чтобы вмѣстѣ говорить, толковать, рассуждать, просить... предпринимать, распоряжаться, трудиться для общаго блага... Дай Богъ!!! Помоги Господи Боже!!

Составляй-ка, Другъ, программу для общихъ занятій по всѣмъ частямъ нашей ученой дѣятельности! — Когда бы у меня была въ рукахъ сила... (конечно она и не у васъ)... я бы непременно немедленно потребовалъ отъ всѣхъ учащихся въ нашихъ Дух. училищахъ все, что они дов. хорошо обдѣлали своими трудами.—Но немного кажется чрезъ сію мѣру будетъ получено (хотя вѣрно и не ничего); потому что наши ученые большею частію находятся въ слабой дѣятельности.—Это естественно; ибо нѣтъ побужденій къ усиленной дѣятельности, какая нужна для того, чтобы что нибудь приготовить къ изданію въ свѣтъ. По ходу нашей учености, по... кто можетъ предположить, чтобы его уроки или трактаты какіе нибудь вышли въ свѣтъ? А болѣе пользы можно будетъ ожидать, если каждому Профессору или учителю назначить свое дѣло—или отдѣлать цѣлую часть науки, или одинъ трактатъ—въ Реторикахъ въ Философскихъ и Богословскихъ классахъ, по предметамъ классовъ; кандидатовъ поступающихъ въ училища озаботить также составленіемъ руководствъ для училищъ напр., Русской, Латинск. Греческой Грамматикъ,—какъ у насъ все это неисправно, а иное очень худо,—взгляните на Русскую грамматику—древнюю. третируются доселѣ въ нашихъ нынѣшнихъ школахъ, взгляните на Латинскую Амвросія—что это!!—и проч. и проч. О Другъ! душа моя горитъ въ болѣзни, а какъ я малъ, слабъ, безсиленъ, чтобы сколько нибудь пособить сему. Еще

посмотри-ка, Другъ, что дѣлается въ нашихъ низшихъ училищахъ? Какъ тамъ много учениковъ, и какъ мало учителей! Какъ много усердія, и какъ мало средствъ! Какъ много трудовъ, и какъ мало успѣховъ! О какое тамъ господствуетъ маломысліе! Кромѣ классическихъ книгъ дѣти ничего не имѣютъ въ рукахъ своихъ; кромѣ школьныхъ правилъ они почти ничего не знаютъ (если т. е. не встрѣтять дитя хорошаго руководителя). Оттого часто поступаютъ въ Реторики совершенно огрубѣлыми въ смыслѣ... Нужно бы, очень нужно противъ сего употребить мѣры—или издавать дѣтскій журналъ, или выбрать и составить особья книжки для чтенія, къ чему направляются многіе свѣтскіе альманахи, но негодные большею частію для нашихъ заведеній и проч. и пр. А это бы очень не трудно было сдѣлать, а дѣло было бы весьма благодѣтельное!! Если бы я имѣлъ власти тучу, да денегъ кучу,—непремѣнно бы сталъ дѣлать!..

Чего бы я не сдѣлалъ, или лучше-чего бы я еще не наговорилъ только еслибы, еслибы... а теперь и говорить мало мѣста.—Помоги вамъ Богъ!—

Вотъ возвращаю твои, Другъ, тетрадки. Виновать,—я ихъ не дочиталъ немного, а читалъ не своими очами, но очень скоро, потому и не дѣлалъ никакихъ отмѣтокъ. Теперь я пишу исторію Картезія, которую почти кончилъ. Напишу также и исторію Спинозы, Лейбница, Волфа и Локка, а Бакона—написалъ.—Затѣмъ напишу исторію Канта, Фихте, Шеллинга, Окена, Гегеля, Ешенмайера, Гербарта. Для этого дѣла есть у меня пособія. Но вся эта моя работа гнила: потому что слишкомъ поспѣшна, какъ самъ видишь, и мало полезна, потому что... самъ понимаешь: это только, можетъ быть, для настоящаго моего курса... Но и тутъ есть своя польза и награда... буду трудиться до...—

Прости, Другъ! Желая тебѣ добраго здоровья, радостнаго провозженія Св. Праздника и всего добраго. Другу, О. Ректору поклонись отъ меня, а самъ не чванься, а болѣе смирайся и Богу молись и добрыхъ людей почитай, и меня за мои слова не брани, а предъ Богомъ вспомяни. Прости! Господу помолимся!—Господи помилуй!

Апрѣл. 2 дн. 1836 г.

Грѣшннй Монасъ Е.

14.

Любезнѣйшій Другъ мой.

Высокопреподобнѣйшій Отецъ Ректоръ!

Покорнѣйше благодарю Васъ за письмо.—Мнѣ жалко стало, что мое письмо и Ивана Прохоровича были непріятнаго для Васъ содержанія. Если они Васъ беспокоили, то еще болѣе жалко. Я потому и не сталъ болѣе говорить, нежели сколько сказалъ въ большемъ письмѣ, чтобы пустою молвою не нарушать спокойствія. Это дорого, а если всегда слушать молву и внимать ея сужденіямъ: то она очень часто будетъ беспокоить насъ совершенно незаконно.—Теперь я ничего не слышу; и не хочу слушать!

Вотъ я сталъ было писать, но позвали ко Всенощному, и я пересталъ; пришелъ изъ Церкви, и опять пишу. Когда стоялъ я въ Церкви,—мнѣ представилось, о Другъ! раздѣлялъ бы сіи минуты съ Вами!—Какъ мнѣ живо представилось—человѣкъ, земля и дѣла, которыя на ней! Да, и теперь еще слѣды сего образа остаются на душѣ. Это суета и ничтожество всего!.. Къ сему состоянію меня расположило чувство собственнаго ничтожества: я нынѣ пришелъ въ классъ и съ трудомъ могъ его окончить; голова кружилась; весь организмъ тѣла то горѣлъ, то озябалъ... и весь день я нездоровъ. Это отъ моей неосторожности: вчера съ О. Ректоромъ ѣздивъ я въ Остермановскій свой садъ довольно прохладно одѣвшись, между тѣмъ какъ въ настоящую весну я еще очень мало привыкъ къ свободному воздуху. Потому, что, проводивъ къ вамъ О. Гедеона, я до сего времени со двора не сходилъ и по двору мало ходилъ, а все сидѣлъ за Философск. Исторіею. Вижу, что это ревность не по разуму: какъ будто мнѣ быть Профессоромъ Ф—иі въ Академіи! Къ чему такія усилія?—Конечно, отвѣтъ дамъ и на такіе вопросы... Впрочемъ попрошу у Васъ извиненія: мнѣ тяжело писать простите! Желаю Вамъ добраго здоровья, мира и радости о Господѣ Спасителѣ нашемъ. Молю Господа, да не оставитъ Онъ Своею богатою милостію:

Грѣшный Евсевій.

Александрѣ Васильевичу кланяюсь, и говорю—здорова! во имя Господа Іисуса: И довольно пока.

Апрѣля 11 дня, 1836 г.

Р. S. Отъ Васъ ничего не слышно; а у насъ говорятъ, будто Θεодора Александровича въ Университетъ, и будто уже совсѣмъ;—впрочемъ все это—говорять... а пишутъ ли гдѣ нибудь кромѣ писемъ? Не знаю.

15.

Любезнѣйшій Другъ мой,

Александръ Василіевичъ!

Желаю тебѣ добраго здоровья и радости о Душѣ Святы. Я, другъ, хотѣлъ было вчера заболѣть, но нынѣ, по милости Божіей, вмѣстѣ съ солнцемъ взошла надежда, что моя болѣзнь пойдетъ отъ меня на западъ. Дай Богъ, и радуюсь не столько за себя, хотя и это естественно, сколько за моихъ учениковъ. Съ ними еще много мнѣ остается додѣлывать. Я теперь для нихъ учусь новѣйшей Германской Философіи, и какъ жалко, что нѣтъ у насъ ни Канта, ни Шеллинга и др. въ подлинникахъ! Вѣрь другимъ, какъ слѣпой; а иногда и то бываетъ, что другихъ мудрено хорошо и понять, что они хотятъ сказать о Философѣ. Къ сожалѣнію я имѣю въ рукахъ руководства слишкомъ краткія, кромѣ одного. А изъ краткаго руководства какъ постигнуть духъ любомудра?

Да, и въ Академіи это горе могло бы встрѣтиться: и тамъ кажется мало подлинныхъ сочиненій новыхъ Философовъ. Благоволитъ Академическое Правленіе на сей предметъ обратить вниманіе! Что еслибы мнѣ довелось быть на постѣ О. Р.? Я бы закричалъ: благоволитъ, благоволитъ! Покорнѣйше прошу выписать всѣ сочиненія, по крайней мѣрѣ особенно знаменитыхъ мудрецовъ нынѣшняго свѣта!!—Въ другихъ Академіяхъ это есть напр., (говорятъ) въ Кіевской.

Впрочемъ для моихъ учениковъ я, кажется, нахожу довольно свѣденій и при скудныхъ моихъ пособіяхъ. Вотъ я уже принимаюсь за Канта. Я пишу по-русски, и языкъ меня очень стѣсняетъ; гораздо бы легче было писать по-латынѣ. Но зато гораздо легче ученикамъ учить по-русски, и гораздо полезнѣе для нихъ. Это имѣя въ виду я и сталъ писать на русскомъ языкѣ, начиная съ Римской Философіи, и жалѣю, что не съ начала Исторіи; а повторяютъ впрочемъ такъ и стану, т. е. по-русски, чтобы въ конспектѣ не пестрить. Пусть уже вся Исторія будетъ Русская.

Пиши, Другъ, ты свой конспектъ поскорѣе и готовь, готовь—матеріаль для самаго дѣла!—Трудись, Другъ, пока есть ревность, пока силы не устали!—Помнишь, какъ о семъ когда то (во время святокъ) мы разсуждали? Мнѣ часто это приходитъ на мысль и я жалѣю, о порядкѣ нашихъ дѣлъ!—Вотъ я теперь тружусь во весь *напоръ* (!) моихъ силъ: но что же изъ моего дѣла выдетъ?—Пройдетъ годъ, и все это въ негодный нашъ колодесъ бросится!—Часто у меня бываетъ желаніе или мысль, теперь бы заниматься съ такою ревностію тѣмъ, что послѣ можно будетъ додѣлывать!.. Теперь бы, пока есть сила, пока ревность горитъ, пока обязанности не такъ многосложны,—теперь бы собирать матеріаль, очищать его, разлагать по своимъ мѣстамъ... а послѣ какъ это тяжело будетъ, или можетъ быть!

О Другъ! Какъ міръ вещественный мало соотвѣтствуетъ идеальному!—Что у меня не бываетъ на умѣ? и что же я дѣлаю?—Слишкомъ мало противъ того, что я думаю.—Правда, въ Семинаріи довольно бы много можно дѣлать, но я тутъ крайне безсиленъ: тебѣ извѣстны, по проекту границы моей дѣятельности; да такъ онѣ еще шире, нежели на самомъ дѣлѣ бываетъ. Мой Патеръ Р[екторъ] слишкомъ строго держится проложенной дороги, хотя и кривой, и это бѣда, чтобы оставить старую и избрать новую, хотя и прямѣйшую! Что дѣлать! Это слишкомъ обыкновенно: такъ что не удобно имѣть что нибудь необыкновенное, чтобы поступать иначе.—Да, я виноватъ противъ сей формы, когда пишу по-русски и притомъ безъ спроса у Патера. А не спрашивалъ потому, лучше теперь сказать: я виноватъ, что не испросилъ у Васъ соизволенія и сдѣлалъ такъ!—А когда бы сталъ просить, онъ вѣрно не позволилъ бы безъ позволенія Владычня, а осмѣлился ли бы о семъ докладывать Владыкѣ? Сего никакъ нельзя было предполагать. — Такъ я бы въ такомъ случаѣ виновнѣе былъ по формѣ, начавъ дѣлать не по прежней формѣ.

Прости, Другъ! Милости Божіей тебѣ желаю! Помни, Другъ, *последняя твоя*, а хорошо жить по совѣту мудрыхъ!

М. Е.

Р. S. Тебѣ я написалъ болѣе, нежели О. Р., потому что нынѣ голова моя чище и легче стала, нежели какова вчера была.

Засвидѣтельствуйте мое высокопочитаніе Высокопреподобнѣйшимъ О. Гедеону, отцу Филоею, О. Платону, Василию Григоріевичу ²⁶⁾,—если прилучатся и вспомнится.

16.

Любезнѣйшій Другъ мой

Александръ Василіевичъ!

Милости Божіей и добраго здоровья, и мира душевнаго и благопоспѣшеній въ трудахъ твоихъ желаю тебѣ.

Припоминаю твое письмо. Ты жалуешься на суету дѣль: кто, живя въ мірѣ, не можетъ жаловаться на эту суету? гдѣ нѣтъ ея? У васъ въ сосѣдствѣ гдѣ нибудь или у насъ въ Москвѣ? О Другъ! суета съ нами родилась; она и будетъ съ нами до гроба; а гробъ, и могила, а тлѣніе—это торжество суеты! Такъ вездѣ и всегда суета, и этотъ міръ есть просторное вмѣстилище суеты, море суеты! Куда же уйти отъ суеты? Нѣтъ, Другъ, не уйдешь! не хлопочи напрасно!—Среди моря куда не кидайся, а всетаки будешь среди воды!—Дай Богъ, чтобы, плавая по морю суеты, не утонуть въ водахъ ея!

Да, и ты, Другъ, объ этомъ воздыхаешь: скучаешь, что рѣдки часы умиленія,—и все рѣже и рѣже... Какъ же быть, Другъ? Видно, что волны суеты выше и выше поднимаются; буря сильнѣетъ... Что же дѣлать?—Умѣй, учись, Другъ. править кораблемъ; умѣй поворачивать и снимать паруса; не унывай духомъ, и не ослабѣвай въ дѣятельности, и молись небесному Кормчому, Который основалъ и создалъ и сохраняетъ корабль Церкви, къ которому принадлежимъ и мы. Онъ скажетъ, и буря утихнетъ, когда это нужно будетъ. Не даромъ Господь посылаетъ и бури: онѣ нужны; но послѣ бури настанетъ тишина; только надобно беречься, чтобы среди бури не разбиться о камни. Господу помолимся! Да помилуетъ насъ Господь!

²⁶⁾ Примѣрову, бакалавру богослов. наукъ; преподавать и физику съ геометрией (1828—37).

Чась унынія недалекъ, Другъ, и отъ меня. Когда я, по большому нездоровью, не могъ выходить изъ комнаты, одинъ разъ на меня нашли такія черныя минуты, что у меня ручьемъ слезы потекли...

Это естественно: вся природа въздыхаетъ, какъ не въздыхать намъ, виновникамъ въздоховъ природы?

Другъ! у меня есть до тебя просьба: не прогнѣвайся, прошу! У васъ конечно слишкомъ много дѣлъ и безъ моихъ доукъ; но авось какъ нибудь останется минутка на мою долю. Скажи мнѣ, сколько тебѣ извѣстно, какихъ бы намъ теперъ хорошихъ русскихъ книгъ купить или хотя и не все хорошихъ, но и не совсѣмъ худыхъ? Знаю, что въ вашу Библіотеку новыхъ русскихъ книгъ дов. понакупали, и можно предположить, что хотя нѣкоторыхъ достоинство вамъ извѣстно. Мы худые знатоки сего дѣла: нужно купить для Библіотеки нѣкоторый запасъ такихъ книгъ, и не знаемъ, что купить. Я разумѣю книги всякаго содержанія: по Исторіи, Физикѣ, Географіи, Словесности и проч., что есть на Руси добраго, особенно въ наши времена явившагося. Знаю, что тятя О. Ректоръ по сей части дов. опытенъ; въ досужій часъ ты и у него спросишь; а Андрей Ивановичъ ²⁷⁾, чай, все словесное перерыль... Извини, Другъ, что моя просьба довольно не ко времени попадаетъ.—Я не разъ хотѣлъ о семъ просить или тебя, или О. Ректора, но все какъ-то забывалъ. А и дѣло-то это для насъ нужное: мы въ исполненіе вашего предписанія о покупкѣ книгъ еще ничего не сдѣлали, кромѣ отправленія каталога въ Лейпцигъ.—Владыка спросить... и мы будемъ отвѣчать только, что письмо послано... А ново-Русскаго въ нашей Библіотекѣ слишкомъ мало: это зависитъ отъ Оберовъ (а это слово разумѣеть О. Ректоръ?). А мнѣ что тутъ дѣлать? Ты знаешь, что я могу.—Вотъ у насъ теперъ ни одного Журнала кромѣ Х. Чтенія не получается на Семинарію: будто это хорошо? Да я не знаю, есть ли подобное въ какой нибудь другой Семинаріи. Я говорилъ и говорилъ, и уже хочу молчать: хоть говори, хоть молчи—все равно: видишь мое могущество, вліяніе моей ревности на образованіе подчиненнаго намъ юнаго общества!—Ну такъ и быть. Молчу, а мое ворчаніе брось въ огонь...

²⁷⁾ Смѣловскій, бакалавръ общей словесности.

Я много всячины писалъ, къ О. Ректору; но забылъ написать, что буде составивъ каталогъ на выписку книгъ изъ Лейпцига вздумаете посылать въ то время, какъ мы, получивъ книги, станемъ отсылать деньги: то на сей случай надобно будетъ предварительно препроводить къ нимъ каталогъ, да и прошеніе къ нашему Оберу, чтобы такъ сдѣлать... А съ другой стороны, мнѣ кажется въ такомъ соединеніи вашего дѣла съ нашимъ нѣтъ и нужды. Вамъ можно будетъ посылать совершенно независимо отъ насъ; и, кажется, это будетъ лучше или по крайней мѣрѣ не хуже. Только нужно подождать до времени присылки книгъ и отсылки за нихъ денегъ. А послѣ вамъ можно будетъ адресоваться An Wohlgeboren Herr Leopold Voss какъ къ знакомому: уже въ первомъ письмѣ упомянуто было, что Моск. Дух. Акад. чрезъ наше дѣло хочетъ завести съ нимъ корресподенцію.

Господи помилуй насъ!

Аминь.

Твой....

1836 г. Мая 14 дня.

[P. S.] Его Высокопреподобію, Отцу Гедеону прошу засвидѣтельствовать мое высокопочитаніе.—Ихъ братецъ Аѳанасій Алексѣевичъ заходилъ ко мнѣ на самое короткое время, поспѣшая отправляться въ дорогу.

17.

Любезнѣйшій мой Другъ,

Александръ Васильевичъ!

Да поможетъ тебѣ Господь благоуспѣшно окончить труды свои!

Вотъ ваше дѣло къ Вамъ поѣхало! Почти цѣлую недѣлю оно у меня отняло, и то никакъ бы не могло быть приведено къ концу въ сіе время, если бы ученики не помогали мнѣ. Типографскіе корректоры совсѣмъ не участвовали въ дѣлѣ: въ противномъ случаѣ отдѣлка печати много бы замедлилась.

Впрочемъ я не о разсужденіяхъ хочу говорить, хотя слѣ-

довало бы поговорить и о нихъ. Я, Другъ, прошу тебя, о чемъ прежде упоминалъ. Мнѣ хочется объ вакаціи обратить вниманіе на логику. Для сего дѣла нельзя ли у васъ занять пособія хотя на вакацію? И нельзя ли у Теодора Александровича спросить о семь пособіи? Кажется, есть Логика Кругова и другія?—Если можно, прошу тебя, Другъ, усердно, потрудись...

А гдѣ ты, Другъ, думаешь проводить вакацію? — Возьми меня съ собой. Мнѣ наскучила пыль Московская и опротивѣли зубцы китайской стѣны; хочется хоть на нѣсколько дней скрыться отъ нихъ...

Скажи, Другъ, мнѣ, какъ у васъ дѣла окончатся? Не думай, чтобы я у тебя просилъ пророчества; а прошу, чтобы сказалъ, когда дѣла предъ вашимъ взоромъ явятся или вашего уха достигнуть.

А думаете ли за двумя разсужденіями печатать и другія? Хорошо бы,—да съ большею осмотрительностію, чтобы загладить прежніе просмотры. Не просмотръ ли это, что Вы предъ Публикою взялись доказывать то, въ чемъ сомнѣвающихся я еще никого не встрѣтилъ? Разумѣю сочиненіе Г. Терновскаго. Въ другомъ сочиненіи въ самомъ выраженіи предложенія бросаются въ глаза просмотры.—Кажется, многія ошибки сами собою открылись и выпали бы, если бы было единодушіе въ просматривавшихъ сочиненія. И мои ученики, помогавшіе мнѣ, не въ одномъ мѣстѣ указывали ошибки и противъ языка и противъ порядка мыслей. Не тоже ли могли бы сдѣлать Ваши?.. Жалко! Не будетъ единодушія, не будетъ откровенности... не много будетъ и успѣховъ въ общихъ дѣлахъ.—Въ конспектѣ вашемъ опять есть явные просмотры, напр. на 7 стр. я было хотѣлъ поправить; но и безъ того отъ меня наборщикамъ не мало было хлопотъ; а эта поправка заставила бы ихъ почти полночи снова перебирать. Да притомъ что заговорятъ и Ваши? Но о послѣднемъ я не думалъ, надѣясь на любовь, которая все покрываетъ.—Прости Другъ! Господи помилуй насъ, Болярина Александра и Монаха Евсевія.

Іюн. 20 д. 1836 года.

P. S. Скоро или не скоро, но получу и отъ тебя письмо.

18.

Любезнѣйшій Другъ мой,
Александръ Васильевичъ!

Желаю тебѣ добраго здоровья, и призываю Бога тебѣ на помощь!

У васъ уже нѣтъ вакаціи!—и наша вакація вотъ проходитъ; я почти не видалъ ее, и она для меня была безпокойнѣе учебнаго времени,—знаешь почему? Ну, знай про себя, а другимъ не сказывай.—Жаловаться грѣхъ, а нельзя не признаться, что въ иной день среди красныхъ дней вакаціи моей душѣ было очень, очень не весело!—И сейчасъ моя душа какъ бы подъ гнетомъ стенаеть; отъ чего же, спросишь? Охотно бы сказалъ, если бы я былъ въ твоей комнатѣ, или ты въ моей; а писать не стану.

Скажи, Другъ, нѣтъ ли у васъ чего новаго? Скажи, сколько принимаете въ составъ ниспаго отдѣленія? Кого изъ Московскихъ Студентовъ не принимаете? Кого изъ Тульскихъ назадъ посылаете?

И на Перервѣ немного побылъ; 16 числа уже былъ въ Москвѣ. Опять бы туда уѣхалъ; но вотъ гости! а послѣ сихъ надобно ожидать другихъ, т.-е. Виѳан. О. Ректора съ семействомъ его!.. (Онъ проѣхалъ туда самъ пять, а оттолѣ не будетъ ли самъ шесть)!—О Другъ, тяжело! Заплакалъ бы, если бы слезы помогли! Но, кажется, гораздо бы легче было... ²⁸⁾

Какъ время скоро проходитъ! и какъ состояніе нашей души измѣняется!—Правда, ты не можешь представить, въ какомъ расположеніи теперь душа моя.—Стыдно, Другъ, сказать, но Другу надобно признаться въ немощи.. авось будетъ легче немощному! Сегодня нѣсколько часовъ для меня было самыхъ тягостныхъ, и отъ чего же? О немощь, немощь! О самолюбіе, самолюбіе!—Посмотри, Другъ, на наши послужные списки, и ты самъ догадаешься, отъ чего впродолженіи нѣсколькихъ часовъ было тяжело, и очень тяжело душѣ моей. Это отъ того, что я во второмъ разрядѣ обозначенъ по поведенію, а не какъ прежде. — Видишь, Другъ.

²⁸⁾ Кончая этой строкой письмо помѣчено—22 августа. Далѣе указывается 7 сентября, а конецъ обозначенъ 14-ымъ сентября.

спѣсь мою! Побрани меня. И посмотриль бы ты на мою душу, что было съ нею въ часы унынія? Послушалъ бы ты, какъ она въ горести разсуждала! Да и теперь, кажется, еще не могу похвалиться ея спокойствіемъ. Я позволяю ей безпокоиться: можетъ быть и отъ сего будетъ польза; боюсь только, какъ бы не было вреда; а есть опасность: не хочется въ руки брать дѣла! Можешь представить, какія тутъ встрѣтятся мечты! О Другъ! помоги мнѣ, если можешь!—Господи спаси и помилуй насъ!

Давно, Другъ, я началъ это письмо, какъ видишь: но то гости не позволяли окончить, а то начавшіяся дѣла, которыя доводили меня до крайней усталости. Это началось особенно съ 1-го сентября, когда ученики изъ училищъ стали являться и подавать прошенія о казенномъ кошѣ. Бѣда мнѣ съ ними и доселѣ! Въ корпусѣ нѣтъ мѣста, а бѣднымъ сиротамъ жить негдѣ! Чего стоитъ бѣдняку и недѣлю прожить въ Москвѣ на квартирѣ! Горе мнѣ съ ними! А авось Богъ какъ нибудь управитъ.

У Васъ теперь новые Г. Студенты; вотъ и у меня новая школа учениковъ,—132! вотъ сколько у меня на этотъ курсъ послѣдователей! Какъ-то они будутъ за мною слѣдовать; а я ихъ началъ учить, кажется, безъ лѣности. Бесѣдовать съ ними—это утѣшеніе мое; это мой праздникъ, и ежедневная награда за труды мои для нихъ ²⁹⁾!

Теперь, Другъ, я спокоенъ или довольно спокоенъ. Описанное безпокойство продолжалось не долго, и кажется не долѣе того, какъ писано было письмо. Я попрежнему учусь и учу. Впрочемъ, кажется, немного посмирѣль, т.-е. мои ученыя мечты постепенно сокращаются. Я теперь пишу для учениковъ *Логикѣ*, но не рѣдко съ неохотою. Знаешь, Другъ, почему?—Ты сиди, читай, пиши, изъ всѣхъ силъ напрягайся для пользы учениковъ твоихъ; что жъ послѣ? хорошо, если молча будутъ смотрѣть на труды твои!! но не всегда это... Справедливо, Другъ, при сихъ словахъ ты меня упрекнешь въ... Такъ, я и самъ себя не щажу, и иной взглядъ на предметы, нежели какимъ сейчасъ смотрю, монаха, и заставляетъ дѣйствовать не по внушенію плоти. Но и борьба уже мнѣ препятствуетъ занятію. Легко можно принудить себя

²⁹⁾ Послеъ сего въ подлинникѣ помѣтка: 7 сентября.

читать задачи малосмысленныя; но не такъ легко—расположить себя на нѣсколько дней съ полнымъ усердіемъ заняться размышленіемъ о какой-нибудь части науки.—Если бы у меня теперь были порядочные уроки для класса, я никакъ бы не сталъ писать новыхъ! И это дѣло почти такое, что не слѣдуетъ много и принуждать себя къ нему.

Не разъ, Другъ, я жалѣлъ, что мнѣ объ вакаціи мало пришлось съ тобою говорить. Какъ бы хотѣлось мнѣ теперь съ тобою видѣться! Не подумай, что я симъ словомъ высказываю свою охоту, перейти къ Вамъ; нѣтъ, сего нѣтъ въ моей душѣ, а пріѣхалъ бы я къ тебѣ такъ, какъ пріѣзжалъ изъ Виѣаніи, т.-е. часа на два или на три.

Не будетъ ли, Другъ, случая тебѣ, сказать чрезъ кого-нибудь Виѣанскому Отцу Ректору, что за деньгами въ Москву пріѣзжать еще нельзя: Казначейство доселѣ не получало на сей предметъ предписанія. Твои произведенія уже посылали, и какъ имъ вопросами стали наскучивать; то увѣряли, что они немедленно, по полученіи указа, дадутъ знати отношеніемъ. Тогда я немедленно письмомъ извѣщу Виѣ. О. Ректора согласно ихъ желанію. А теперь—мое имъ высокопочитаніе.

Ну, Другъ, мнѣ пора готовиться къ Богослуженію. Я вчера служилъ безъ О. Ректора и нынѣ также. Вчера онъ служилъ на холтурѣ, а нынѣ въ Соборѣ. Вчера по вечеру ждали сюда Государя, а пріѣхалъ ли, не знаю; спрашивалъ у служителя и келейника, и они не знаютъ. Впрочемъ, по предположенію, что Государь нынѣ будетъ въ Москвѣ, и Владыка самъ собирался служить въ соборѣ, хотя не здоровый. 11-го числа я былъ у него съ запискою; и онъ вышелъ ко мнѣ съ видомъ болѣзненнымъ, и довольно часто кашляетъ. Докторъ вѣрно не позволилъ бы и нынѣ Ему выѣзжать въ соборъ, если бы Онъ не выше былъ докторомъ.

О новостяхъ Московскихъ я не могу тебѣ говорить: но не знаю! У васъ больше о нихъ извѣство, нежели у насъ или у меня: я по прежнему сижу дома; самъ ни къ кому и ко мнѣ никто почти.

Прости, Другъ!—Милости и благословенія отъ Господа Спасителя—тебѣ прошу! Да поможетъ Онъ тебѣ и укрѣпитъ тебя Своею всемогущею десницею!

Сент. 14 д. 1836 г.

Твой.

[P. S.] Высокопреподобнѣйшему О. Ректору вашему мое высокопочитаніе засвидѣтельствуй. Хотѣлось было къ нимъ писать, но не успѣю теперь. Высокопреподобнѣйшимъ: Теодору Александровичу, Отцу Инспектору, Отцу Филовею, О. Платону. Василию Григоріевичу при случаѣ, буде будетъ,—прошу свид. мое высокопочитаніе.

Разорви и сожги, Другъ, это письмо.

19.

Возлюбленныи Друже мой!

Спасибо тебѣ за утѣшеніе и вразумленіе немощнаго друга. Слова Друга очень цѣлительны: ихъ нельзя купить за цѣну серебра или золота. Я трижды прочиталъ строки, которыя ближе относились къ сердцу.

Сталь я, Другъ, писать къ тебѣ, но не въ часъ: безпрестанно то тотъ, то другой—вызываютъ. Слезы бѣдныхъ и слезы сиротъ хотятъ потопить меня: что мнѣ съ ними дѣлать? Скучно иногда было отъ этихъ слезъ въ Виѳанской Семинаріи; но и сравненія нѣтъ той скуки съ настоящею. Тамъ всѣ квартиру прямо получаютъ и не плачутъ о томъ, что имъ приходится среди улицы ночлега искать; а здѣсь и до сего доходить. Сиротъ кучи, которыхъ въ корпусѣ помѣстить нельзя; денегъ имъ доселѣ не выдаютъ, потому что: дѣла не приведены къ концу, а когда приведутся, не видно а бѣдные ученики и ѣсть и пить хотятъ и въ кровѣ имѣютъ нужду. Въ настоящее время я сравниваю эту свою Москов. Семинарію съ извѣстными мнѣ, и нахожу ее несравненно менѣе устроенною, нежели другія... а пособить этому мудро. Ну, Друже! Прости! велятъ перестать писать въ этотъ разъ.

Твой монахъ...

Окт. 6 д. 1836 года.

20.

Любезный Другъ мой,

Александръ Васильевичъ!

И я на твою бесѣду буду отвѣчать! Съ новымъ годомъ тебя поздравляю и съ нынѣшнимъ Праздникомъ. Да радуется душа твоя о Господѣ, Спасителѣ нашемъ!

Г. Головинъ вчера у меня былъ, и я ему твое письмо показывалъ: и нынѣ онъ у меня, и сказывалъ, что онъ къ Вамъ прошеніе уже отправилъ. Но изъ словъ его видно, что письмо, оѣ прошеніе его написано не складно. Я совѣтывалъ ему послать на смѣну того другое прошеніе, согласное съ мнѣніемъ Отца Ректора, и похожее на прошеніе, а не на согласіе. Да, на счетъ сего Господина я вотъ что нужнымъ считаю прибавить: не думаетъ ли О. Ректоръ, что я очень прошу ихъ о семъ дѣлѣ. Нѣтъ, я въ этомъ дѣлѣ столько принимаю участія, сколько высказалъ въ письмѣ къ нимъ. Человѣка я очень не много знаю, а отзывы его товарищей говорятъ не въ его пользу, потому я даже боюсь, какъ бы мнѣ не покривить правосудія О. Ректора.

О книгахъ я написалъ слова два къ О. Ректору. Мнѣ. Другъ, хочется еще выписать книжки двѣ, три получше. Я забылъ, а ты мнѣ, помнится, указывалъ на какихъ-то толковниковъ, тебѣ нравящихся, которыхъ у насъ нѣтъ. Еще также мы, т.-е. я и ты,—говорили, что хорошо бы что-нибудь и не новое попросить выслать изъ Лейпцига, буде тамъ отыщется. Опять я не знаю, что бы такое записать. А? Не укажешь ли, Другъ, на что-нибудь?—Я впрочемъ такой же вопросъ предлагалъ и О. Ректору: не знаю, получу ли отъ кого-нибудь какой-нибудь отвѣтъ.

Такъ у вашей Костромской Семинаріи отнимаютъ О. Ректора, хотя не совсѣмъ! Кого же будутъ слушать ученики? Я забылъ, кто помощникомъ данъ былъ О. Аѳанасію. Мнѣ въ нынѣшній день едва ли не дважды говорили, что Виѳанскаго О. Ректора чуть ли не прямо въ Митрополиты хотятъ поставить. Впрочемъ эта молва — кажется не Московское произведеніе, а Виѳанское!

Другъ! Когда къ тебѣ придетъ Алексѣй Ивановичъ Зерчениновъ съ просьбою о деньгахъ для уплаты за написаніе нѣкоторыхъ тетрадокъ для меня, то прошу пожалуста, не откажите. Кажется, не много нужно будетъ. Забылъ я впрочемъ сказать Алексѣю Ивановичу, чтобы онъ, буде что новинькое явится между Г. Студентами, полезное для моего предмета, и то, при удобности, далъ списать для меня на мой счетъ, а нужное для уплаты имѣлъ бы дерзновеніе отъ меня попросить у Александра Василича.

Желаю тебѣ, Другъ, добраго здоровья и скорѣйшей побѣды надъ секретарскими дѣлами.

Твой Мнихъ К.

Генваря 6 д. 1837 г.

Р. S. Разсужденіе о Постахъ набирается. Послѣ завтра обѣщались мнѣ принести первый поллистикъ для просмотра, а послѣдній, не думается, чтобы скоро попалъ въ станокъ. Работа здѣсь какъ-то довольно медленна.

Что будетъ у васъ, Другъ, новаго, скажи тогда любопытному твоему другу.

21.

Другъ мой! Христось да посѣтитъ душу твою любовію Своею!

Да—я виноватъ. Виноватъ въ томъ, что неосторожно высказалъ нѣсколько словъ жесткихъ. И смотри же — Другъ мой! какъ мы слѣпы въ дѣлахъ своихъ. Когда замѣчать сталъ, что дурное сдѣлалъ? Послѣ стола О. Агаѳангель прощаясь со мной благодарилъ меня съ чувствомъ скорби за замѣчанія сдѣланныя мной. Сперва я почти не понялъ скорбь его: но—послѣ сталъ примѣчать, что виноватъ я. Твое письмо еще яснѣе показало мнѣ мои ошибки. На экзаменѣ—признаюсь—говорилъ я слова жесткія не съ тѣмъ, чтобы сдѣлать замѣчанія О. Агаѳангелю. Напротивъ мнѣ хотѣлось собственно наказать Студентовъ; Наставника же имѣлъ въ виду только малою частію. На дѣлѣ же вышло—совсѣмъ напротивъ. Да—дѣлать грѣхъ—пріятно;—легка работа, когда ошибаешься; даже чувствуешь пріятность, когда въ тебѣ свободно развѣвается начало злое, когда разывается самолюбіе. Для меня совсѣмъ не замѣтно было, что я далъ волю своей гордости, суетному самолюбію или тщеславію высказать и выразить нѣсколько несправедливостей. Не замѣтно было, что я снисходителенъ былъ къ себѣ и къ Студ., когда дѣло шло о моихъ урокахъ, — и строже сдѣлался, когда началось дѣло не мое. Таковъ грѣхъ! Таковы дѣйствія его на душу. Дѣйствія его на душу—пріятны. Душа принимаетъ и совершаетъ ихъ легко. Потому-то, Другъ мой! ты не брани себя, что сказалъ мнѣ слово души о мнѣ. Это слово очень нужно мнѣ и полезно. Если бы только себя

сталъ я слушаться; смотри, какъ глухъ былъ бы къ голосу оскорбленныхъ мной! Ты дѣлаешь свое дѣло въ этомъ случаѣ безъ вреда для себя, когда дѣлаешь въ простотѣ души, въ спокойствіи духа, безъ движеній непорядочной души. Для души же моей ты дѣлаешь пользу. А полезное для друга обязываетъ дѣлать любовь.

Повторю: я не хотѣлъ, чтобы тяжесть словъ моихъ чувствовалъ болѣе Наставникъ, нежели Студентъ. Если дѣло вышло не такъ, какъ хотѣлъ я: то мое дѣло просить Господа, чтобы Онъ исправилъ послѣдствія дѣла моего.

Надобно кажется сознаться, что трудно дѣло вести такъ, чтобы экзамень не былъ и для одной формы и не обращался въ тяжесть лицамъ прикосновеннымъ къ нему. Что дѣлать?

Не правда-ли, что жизнь—наука? Надобно мнѣ учиться, чтобы владѣть собой. Надобно обучаться и тому, чтобы умѣть обходиться съ другимъ. Послѣднему особенно я плохо научился. Часто жесткость и суровость выражаются у меня, какъ поводъ гордости и самолюбія; а иногда онѣ бываютъ дѣломъ почти одного невѣжества, неумѣнія—сказать правду праведно. Это замѣчалъ я не разъ. Иногда дикость обращенія моего порождается дикостію характера моего, дѣлаетъ большую обиду другимъ. О! Господи—Господи! Научи меня творить волю твою. Скажи мнѣ, Господи, пути Твоя!

Другъ мой! Если станешь помнить твердо слова, которыя помнишь теперь: не будешь вредить себѣ, говоря другому правду.

Прости, Христосъ съ тобою.

21 іюня 1837 г.

21.

Любезный мой Другъ

Александръ Васильевичъ!

Извини меня, что я хочу нѣсколько побезпокоить тебя. У Васъ теперь, конечно, хлопотъ еще болѣе, чѣмъ въ другое время.

Вотъ, Другъ, въ чемъ дѣло: спѣша Ваши книги отправить къ Вамъ, я и забылъ записать итогъ суммы, которую надобно выслать книгопродавцу Фоссу за Ваши книги; помню, что 2009 руб., а сколько копѣекъ забылъ; а для точ-

ности счета это необходимо. Бывши, Другъ, у о. Ректора посмотри и скажи мнѣ.

Я доселѣ не раздѣлялся съ Лейпцигскими книгами: расчеты съ выписывавшими изъ Л. книги меня запутали, и заставляютъ меня даже нѣсколько заплатить за нихъ. Это конечно произошло отъ моей неосторожности при расчетѣ съ ними. А бѣда главная та, что у меня вотъ другая недѣля пропадаетъ въ хлопотахъ съ этимъ нѣмецкимъ товаромъ.—Теперь, между прочимъ, задерживается дѣло и тѣмъ, что отъ Васъ за книги и за доставленіе ихъ денегъ еще не получено. Попроси, Другъ, о семъ Отца Ректора. Письмо въ Лейпцигъ можно послать и помедливъ, а деньги надобно отправить поскорѣе, чтобы у Фосса менѣе процентовъ пропало, или чтобы онъ менѣе имѣлъ право прибавлять ихъ къ нашимъ счетамъ.

Что, Другъ, у Васъ новаго? Скажи, если есть это. А я не знаю, что сказать. Правда, вотъ Рязанскій бывший о. Ректоръ вчера пріѣхалъ къ О. Ректору, но это извѣстно.—Я, въ письмѣ къ О. Р. сказалъ, что меня хотятъ, по слухамъ, послать на Невскія воды, т. е. будто меня хотятъ сдѣлать Инспекторомъ С.П.Б. Академіи. Если такъ сбудется, то для людей... говорятъ такое распоряженіе покажется довольно страннымъ. А для меня, спросишь, какъ покажется? А я, скажу въ отвѣтъ, долженъ припомнить обѣты монашества и молчать или молча повиноваться... Ни мысли, ни расположенія наши тутъ ничего не помогутъ... Буди воля Божія въ волѣ начальства.

Вы теперь ждете Поста. Даѣ Богъ, чтобы Онъ для Васъ былъ также благъ и нынѣ, какъ прошлый годъ!

Прости, Другъ! Желаю тебѣ добраго здоровья и во всемъ милости Божіей.

Твой—Е.

Юня 28 д. 1837 г.

Высокопреподобнѣйшему Отцу Ректору свидѣтельствую нижайшее почитаніе, также и Отцу Инспектору и Теодору Александровичу, достопочтеннѣйшему Отцу.

P. S. Iudaea Meger...о которой я въ письмѣ О. Ректору писалъ, найдена; а не найдено—Kaiser Commentatio de Cosmogonia mosaica, что кажется не стоитъ и вниманія: изъ 38 кон. цѣны видно, что это маловажная брошурка.

22.

Любезный Другъ мой

Александръ Васи́лиевичъ!

Благодарю тебѣ, много благодарю за дружеское письмо твое, которое я имѣлъ удовольствіе сего дня читать. Желая Другъ, тебѣ милости Божіей, желаю спокойствія внутренняго и внѣшняго, желаю, чтобы стукъ каменосѣчцевъ... не доходилъ до ушей твоихъ и не развлекалъ твоего вниманія среди добрыхъ твоихъ занятій. Радуюсь, что Господь Спаситель Своею благодатію питаетъ въ душѣ твоей постоянное расположеніе къ благому дѣланію ради ближнихъ! Дай Господи, чтобы эта ревность не охладѣвала.

Теперь, Другъ, ты, думаю, уже читалъ письмо мое, вчера посланное къ вашему О. Ректору, и изъ него отчасти могъ узнать, почему я замолчалъ или долго молчалъ, не пиша къ Вамъ. Я тамъ, кажется сказалъ: то то, то другое меня удерживало; выраженіе неопредѣленное;—оно хорошо иногда указываетъ на неопредѣленную причину, которой и сами не знаемъ, или, и зная, хотимъ скрывать. У меня отпадаетъ охота писать или по той или по другой причинѣ; боюсь, какъ бы не отпала охота и говорить! Больно, Другъ, раскрывать тѣ расположенія души, которыя тяготятъ и унижаютъ ее, которыхъ не хочется показывать и самому себѣ!

Подожель бы я поближе къ Другу моему; разговорился бы съ нимъ въ уединеніи, въ тишинѣ—въ удаленіи отъ человѣческаго шума: тогда душа душѣ лучше бы, можетъ быть, показала съ тѣми расположеніями, какія она таитъ въ себѣ!—Какъ было мнѣ хотѣлось быть у Васъ подь конецъ нашей вакаціи!—Но не удалось.

Слышаль я, Другъ, прежде о назначеніи твоего Вл. В. въ С.П.Бургскую Академію. Мудрены и человѣческіе суды! Но конечно это дѣлается не безъ Промысла Божественнаго, часто для нашего ока недоступнаго.

Вотъ, Другъ, Вамъ книги! Извольте читать и судить! Я бы попросилъ Васъ дать мнѣ нѣсколько сужденій о лучшихъ новыхъ книгахъ, которыхъ у насъ нѣтъ, для того, чтобы смѣло можно было ихъ выписывать.—Въ эту высылку мы получили изъ древнихъ книгъ Opera S. Jsidori Pelusiotae graeca et latina за 30 руб. Въ библіотеку я получилъ Novum

Testamentum Millii за 15 руб. весь нов. in folio, въ кожѣ. Это находка!—Хочется мнѣ еще что нибудь такое изъ древнихъ Писаній выписать изъ Лейпцига, да не знаю что, а наудачу опасно. Довольно, что доселѣ меня О. Ректоръ мой мало бранилъ за самоволье касательно выписки книгъ; но не все будетъ даромъ проходить!—По случаю предшествовавшихъ обстоятельствъ и настоящаго полученія книгъ я поставленъ въ борьбѣ съ экономическими дѣлами: мѣсяца за два или за три я уже долженъ казнѣ безмездными трудами; но вотъ еще мнѣ выслали книгъ на 135 руб. Книги хороши, отказываться не хочется, а и... Изъ за этихъ книгъ сталъ бы на холтуры ходить яко единъ отъ нашей братіи, еслибы приличіе позволяло...—Трудностей не мало, но зато сколько тутъ утѣшенія!

Слышно, что О. Гедеонъ отказался отъ Златоуст. Монастыря. Жалко! Дай Богъ, чтобы онъ и самъ не сталъ жалѣть о своемъ отреченіи! Я не знаю, какъ судилъ О. Г.: вѣрно онъ надѣется, что его дѣло скоро окончится въ Комиссіи: хорошо, если сбудется такъ. Одна, говорятъ, надежда на Владыку нашего и его надобно просить,—а если не такъ, то за вѣрное полагаютъ, что дѣло по крайней мѣрѣ годъ пролежитъ въ Комиссіи. А въ теченіе года сколько должна будетъ испытать тяжелыхъ часовъ душа О. Гедеона?—И какъ бы съ другой стороны, говорятъ, онъ могъ спокойно отдохнуть въ это время въ мирной обители, еслибы только его душа не была занята дальними видами! Ну не наше дѣло судить объ этихъ дѣлахъ. Дай Богъ, чтобы все обратилось во благое!—На мѣсто О. Г., носился слухъ, Владыка представилъ о. Михаила Лаврентіевича.

Не спросишь ли, Другъ, что я теперь дѣлаю?—Хожу въ классъ и по прежнему говорю иногда часа два, а въ келліяхъ не знаю, къ чему руки приложить. Самъ можешь представить, почему такъ? По отношенію къ С.П.Б. Академіи я почти спокоенъ: кажется, что мнѣ тамъ не быть. О. Платонъ, говорятъ, опять остается на томъ мѣстѣ по своему желанію и прошенію. Да и въ другое мѣсто куда ѣхать едва ли мнѣ придется: въ П. Б. есть два старшихъ кандидата и у Васъ одинъ, готовыхъ къ высшимъ послушаніямъ. А нашей братіи, видно, еще надобно повторить свои курсы. А это дѣло не худое!

Къ О. Ректору я не пишу, а пишу только къ его сожителю. А онъ засвидѣтельствуеть мое высокопочитаніе и О. Ректору. Книги я вручаю О. Казначею Богоявленск. Монастыря. Онѣ завязаны въ четырехъ тюкахъ въ картонной бумагѣ.—Прошу Васъ покорнѣйше не медлить высылкою денегъ, по счету показанному въ письмѣ къ Отцу Ректору. 810 руб. 17 коп. ассигн. за книги, означ. въ каталогѣ Фосса къ О. Ректору, 37 руб. 32 коп. за книги высланныя въ среду нашими книгами для Николая Андреевича и 34 р. 78¹/₂ к.— за книги... для Виѣанскаго О. Ректора. Книги для О. Ректора Виѣанск. и Николая Андреевича (коимъ при случаѣ прошу свид. мое высокопочитаніе) завязаны въ особомъ кувертѣ съ надписью. Это будетъ уже пятой тукъ.

Въ заключеніе письма—желаю Другу моему добраго здоровья и благооспѣшенія отъ Господа во всѣхъ благихъ дѣлахъ его.

Г. Евсевій.

Сент. 7 дн. 1837 года.

Достопочтеннѣйшимъ Отцамъ: Θεодору Александровичу, Отцу Гедеону, Отцу Филоею, О. Платону и Андрею Ивановичу—прошу передать свидѣтельство моего высокопочитанія.

P. S. Къ тую съ книгами для Высокопреподобнѣйшаго О. Р. Агапита и Николая Андреевича со стороны привязанъ V Том Liebermann'a слѣдующіе О. Ректору для отсылки Отцу Василию, ихъ брату.

P. S. Рекомендую Вамъ для употребленія Г. Студентамъ выписать нѣсколько экземпляръ. *Тремъ* Bengelii in N. I. Онъ вновь изданъ сыномъ Bengelii съ поправками in 2 Том и продается по 10 р. 40 коп. Я выписалъ 3 экз.

23.

Другу моему,

Александрѣ Васильевичу,

Любезнѣйшему Другу,—

Благодать, милость и миръ отъ Господа да умножится въ душѣ твоей, по молитвамъ Св. Преподобнаго Сергія и всѣхъ Святыхъ Божіихъ!

Пишетъ другъ къ сѣтующему Другу,—пишетъ другъ, сѣ-
Бог. Вѣст. № 10—11. 1914.

тующій о болѣзни своего Друга.—У друга, желающаго отъ души пособить своему Другу, запинаются уста отъ невѣдѣнія цѣлительнаго слова, могущаго уврачевать опасныя раны души Его Друга... Увы мнѣ немощному грѣшнику! Не чиста моя душа, чтобы могла въ себѣ вмѣщать живоносную силу благодати! Не чисты мои уста, чтобы я могъ съ силою пронести живое и дѣйственное Слово Божіе! Не чисты мои руки, чтобы въ писмени могли запечатать животворную силу Духа!—Увы мнѣ, немощному, не могущему пособить немощи Друга!

Осмѣливаюсь только втайнѣ молить Господа, да умножить Онъ Свою благодать, милость и миръ въ душѣ моего Друга. Господь силенъ словомъ врачевать болѣзни, насыщать алчущихъ, повелѣвать стихіямъ, воскрешать умершихъ... Онъ силенъ и пособить и облегчить немощи Друга моего, и я Ему молюсь, и только могу... Мои уста говорятъ, но безсильны ихъ звуки; мои руки пишутъ, но нѣтъ цѣлительнаго бальзама въ ихъ писмени.

О Другъ! Мнѣ не хочется вѣрить тому, что я читалъ въ письмѣ твоёмъ. Слишкомъ больно моей душѣ, когда слышу, что и мой Другъ, въ которомъ другъ его чаялъ видѣлъ свѣтильникъ истины и образецъ любви святой,—и этотъ мой Другъ сбивается къ пучинѣ умствованій, кружится въ неустойчивыхъ волнахъ мечтаній, и теряетъ изъ виду берегъ, къ которому надлежало бы стремиться. Увы, какъ бы кораблекрушеніе не потопило корабля?—Да помилуетъ насъ Господь!

О Другъ! Ужели мы для того должны учиться, чтобы намъ терять и послѣдній запасъ, нужный для вѣчности, а не приращать и умножать его?—Къ чему пригодятся наши взгляды, наша критика, наши умствованія, всѣ наши познанія, вся наша мудрость, если не будетъ любви? Нѣтъ любви,—и все потеряно! Нѣтъ основанія,—не будетъ тамъ и зданія! Не правда ли, Другъ?—Если такъ, зачѣмъ же забывать о семь? Зачѣмъ же на главное смотрѣть какъ на постороннее или не такъ важное?

Зачѣмъ забывать о сердцѣ?—Хочешь просвѣтить свой умъ?—Да гдѣ жъ ему будетъ свѣтиться, если не будетъ сгихи любви? Не погаснетъ, не исчезнетъ ли онъ, когда возсіяетъ предъ нами вѣчный свѣтъ небесный,—Богъ въ

Своемъ величіи, Который весь есть любовь?—О горе! чего же будетъ тамъ ожидать душа съ хладнымъ умомъ?—Бѣдная эта душа! Какъ ей будетъ родиться въ тотъ міръ, гдѣ повсюду свѣтитъ и владычествуетъ любовь? Несчастливая эта душа! она не взойдетъ въ блаженный міръ, въ которомъ живутъ стихіею любви. Она неспособна къ этой жизни, не имѣя любви!

О умъ! приди и состязись съ любовію. Зачѣмъ ты возстаешь на любовь? Зачѣмъ хочешь разрушать, что созидаетъ любовь? Приди и покажи, что ты устроилъ на мѣстѣ того, что хочешь разрушить. Что ты поставишь на мѣсто вѣры, которою живетъ любовь? Укажи, гдѣ твои неложные, непоколебимые уставы? гдѣ твои законы? гдѣ твои праведники? Гдѣ твоя религія? гдѣ то успокоеніе въ твоихъ объятіяхъ, котораго такъ жаждетъ душа человѣка?

О разумъ, разумъ! покажи твою родословную, прочти намъ исторію твоихъ славныхъ предковъ—героевъ въ брани съ вѣрою и любовію! Похвались благодѣтельными плодами славныхъ побѣдъ ихъ; похвались и своими подвигами, коими ты разрушаешь простоту, и охлаждаешь любовь повсюду! Возвѣсти намъ, сколько ты чрезъ это подвижничество сдѣлалъ добра для бѣдныхъ людей, безъ умолку роющихся въ глубокомъ подземельи книжнаго міра и никогда не находящихъ покоя! сколько — для семействъ, для обществъ, для цѣлыхъ государствъ, которыя, подъ твоимъ руководствомъ, отказываясь отъ древнихъ уставовъ Церкви и Царствъ, хотятъ открыть новый путь къ счастію, и подвергаются въ злосчастіа!

Глубокомысленный, многосвѣдущій умъ! Не кичись твоимъ могуществомъ, но признайся въ немощи и покорись законамъ вѣры, чтобы безпрепятственно усовершенствоваться въ любви и тѣмъ приготавливать себя къ лучшей жизни въ лучшемъ мірѣ. Уже довольно испытаны твои силы: тысячелѣтія протекли въ опытахъ твоей дѣятельности, и ничего не сдѣлано подобнаго тому, что сдѣлали и дѣлаетъ вѣра, любовію спомоществуемая!

Слышишь, Другъ, мое состязаніе съ умомъ или разумомъ (какъ хотите назовите)! Я такимъ и подобнымъ образомъ борюсь съ разумомъ, и не позволяю ему ослаблять мою вѣру и любовь,—и я спокоенъ. Я много говорю и разсуждаю; но.

благодарю Бога, на преобладаніе ума не могу жаловаться. И нынѣ и завтра — я ему не перестаю указывать его собственное ничтожество, и онъ не смѣетъ слишкомъ много присвоить себѣ, не могши не признаться въ своей недалёко-видности и безсиліи.

Не надѣйся, мой Другъ, слишкомъ много на умъ свой: онъ безъ любви блѣдень и холодень, и въ свое время (знаешь куда??) исчезнетъ какъ звезда предъ солнцемъ. Все пройдетъ, все пройдетъ... одна только любовь не перестаетъ!! Это мы знаемъ: зачѣмъ же такъ судимъ въ сердцѣ и не такъ дѣлаемъ? Обличи, мой Другъ, интересъ свой; укажи своему уму обманъ его; дай ему силу вѣры и любви и съ помощію ихъ стань на брань противъ незаконныхъ притязаній ума, если онъ сталъ слишкомъ непокорень. Надѣюсь, что, при Божіей помощи, побѣда остается на сторонѣ вѣры и любви, и твое сердце восторжествуетъ въ благоговѣніи предъ Господомъ Спасителемъ.

О Другъ мой, Другъ! бойся домашняго врага: онъ опаснѣе внѣшняго. И не увидимъ, какъ онъ все мало по малу разхититъ, если не будешь бдителень. И не замѣтишь, какъ онъ и все зданіе подкопаетъ, если не будешь стоять на стражѣ. Въ исторіи не одинъ опытъ, думаю, встрѣтишь, какъ иногда маловажный случай увлекаетъ человѣка съ безопаснаго пути и ввергаетъ его въ пропасть заблужденій.

Къ чему такое пристрастіе къ уму, что не хочется часъ, полчаса — удѣлить сердцу? — Ужели въ самомъ дѣлѣ твоя, Другъ, душа такъ стала холодна, какъ холодно твое милое писмецо? Это скучно и тяжело! — Ужели ты со всякимъ приходящимъ къ тебѣ также разсуждаешь и философствуешь? И умъ твой все хочетъ разрѣшать и рѣшать? Если такъ; то какой онъ скучный! Мнѣ, кажется, слишкомъ скучно и тяжело, если умъ впередъ бѣжитъ, а сердце сзади остается безъ дѣла. Потому и въ классѣ и дома я стараюсь держать въ союзѣ умъ съ сердцемъ... Когда бываетъ такъ, я спокоенъ; — а если не такъ, то я скоро устаю, и скучаю. — и не напрасно.

Почему бы, Другъ, тебѣ не имѣть человѣка, хотя изъ Студентовъ, съ которымъ бы ты могъ говорить по движенію сердца, да и за правило бы для себя принять, говорить съ нимъ для сердца, а не для ума. Думаю, между Студентами есть сколько нибудь человѣкъ, способныхъ къ такой бесѣдѣ.

А для тебя это было бы очень полезно. Да пусть человекъ будетъ и не совсѣмъ равенъ въ расположеніяхъ души; нужно только, чтобы онъ сколько нибудь былъ къ доброму дѣлу... расположенъ, а ты располагайся болѣе, располагай и его. Тутъ будетъ двойная польза: ты будешь питать и укрѣплять свою душу, а слушающій и видящій тебя—свою. Одинъ добрый часъ можетъ настроить твою душу не на одинъ день... я это дѣлаю.

Ну, Другъ, пора мнѣ замолчать. Прости! Молись Господу Спасителю. Молись его угодникамъ. Они много имѣли вѣры, и много любили, — потому теперь близки къ Господу, и сильны своимъ ходатайствомъ у Него. Помолись и о мнѣ грѣшникѣ.

Твой.

Тятѣ—Другу моему О. Инспектору почитаніе и полное благожелательство свидѣтельствую. Скорблю я съ нимъ, и больно... Не оставляй, Другъ, его посильнымъ утѣшеніемъ: ему оно нужно, хотя отъ меня и скрываетъ болѣзнь души своей. Да, въ мірѣ вездѣ бѣды и скорби!—Потому-то и надобно намъ и для себя и для другихъ болѣе заботиться о томъ, что нужно для вѣчности, и чего никакія бѣды у насъ отнять не могутъ.—Я впрочемъ не знаю, съ какимъ мнѣніемъ возвратились къ О. И. собственные труды его; а желаю знать, чтобы учиться... Надѣюсь, что или ты или самъ О. И. не откажетесь удовлетворить моему желанію.—Не мудрено, что Журналь гдѣ нибудь въ грязи утонетъ: погода на Руси худа! Пошли, Господи, свѣтлые дни!—Батюшкѣ Θεодору Александровичу, Батюшкамъ о. Филоею и о. Платону—свидѣтельствовать прошу низкое почитаніе (при случаѣ). ³⁰⁾

24.

Любезнѣйшій Другъ мой,

Александръ Васильичъ!

Прошу увѣдомить О. Ректора, что деньги за книги получены, за исключеніемъ 64 руб. 55 коп. вычтенныхъ за неотысканныя книги. Я не зналъ до полученія Вашихъ послѣднихъ писемъ съ каталогами о невысылкѣ этихъ книгъ:

³⁰⁾ Письмо безъ даты; по содержанію очень близко къ № 13 п. вѣроятно, относится къ 1836 году.

болѣе половины Вашихъ книгъ были завязаны въ особыхъ тюкахъ и я радъ былъ этому, чтобы менѣе копаться за ними. Отъ Ректоръ писалъ мнѣ сказать Фоссу и то и то, и г. Секретарь приписалъ къ каталогамъ права свои на вычетъ у Фосса денегъ; но если такъ Вы хотите справляться съ дѣлами, то лучше Вамъ остановиться на ближайшемъ Коммисіонерѣ т. е. Инспекторѣ М. Семинаріи. Вычитайте у него за невысланныя книги, взыскивайте съ него, почему иностранная Цензура не пропустила Ваши книги? Доказывайте ему, что Вы имѣете право на полученіе всякихъ заграничныхъ книгъ. Пусть лучше этотъ Коммисіонеръ понесетъ непріятность: ему уже не за новость принимать непріятность изъ за этихъ книгъ и поплатиться приходилось за чужія книги. Онъ конечно впредь не возьметъ на себя этой обязанности (хотя и не бралъ на себя такой отвѣтственности), но можетъ быть найдется и другой и третій, который возьмется писать къ Фоссу и хлопотать въ сдѣлкѣ съ нимъ. Зачѣмъ же оскорблять добраго Фосса? Его отгоните отъ себя,—другаго можетъ быть не скоро будете имѣть знакомаго въ Лейпцигѣ. Фоссъ ни чѣмъ не болѣе меня виноватъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ высылаетъ книги по присланнымъ къ нему каталогамъ; правъ нашихъ не понимаетъ и иностранной цензурѣ доказывать ихъ не сможетъ. Въ опущенномъ *Словарѣ профессора* онъ не виноватъ, да и пропущенное слово кажется не такъ мощно, чтобы могло обезсилить права и обязанности Цензоровъ иностранныхъ книгъ. Посмотрите на Сводъ Законовъ: докажете ли вы изъ него, что ваши книги выписываемыя изъ-за границы не подлежатъ цензурѣ? Укажите, въ которомъ (послѣ изданномъ) Указѣ Императорскомъ сказано объ этомъ правѣ? Объ Императорск. Университетахъ и Академіяхъ есть слово, а о Дух. Академіяхъ не слышно.—И объ этомъ, если Вамъ угодно завести дѣло, то надобно съ нимъ относиться не къ Фоссу, а въ Иностранную Цензуру или въ Главную Петербургскую Цензуру, или, кажется, правильнѣе въ Д. Коммисію, чтобы она ходатайствовала объ уравненіи Вашихъ правъ (въ семь случаевъ) съ Университетскими!—Не думаю, чтобы Вы пустились въ это пространное море хлопотъ, чтобы вытащить нѣмецкую лягушку! Прости, Другъ мой, вольности! Я виноватъ! Но не скроюсь и скажу правду, что Ваше письмо (разумѣю письмо О. Рек-

тора и твою приписку къ реэстру), на нѣсколько часовъ больно было для меня. Я не зналъ, что дѣлать, а и въ первую минуту не думалъ винить Фосса; чтобы помирить дѣло, хотѣлъ было убытокъ взять на себя, но у меня денегъ, какъ знаешь, гораздо менѣе, нежели ничего; вотъ препятствіе!— Я прошу совѣта: говорить относись въ Иностр. Цензуру; хотя не буквальной силѣ законовъ, но по уваженію къ лицу и мѣсту они выплутъ книги.—Но какъ же я стану мѣшаться въ чужое дѣло? Ужели я въ самомъ дѣлѣ, опубликованный Коммиссіонеръ Иностранной книжной торговли?— Ну, говорятъ, пусть самъ О. Ректоръ хлопочетъ.—Но какъ О. Ректоръ станетъ хлопотать? Изъ-за какихъ книгъ?—Развѣ мало прежнихъ опытовъ непріятной, безчестной для Академіи, молвы,—чтобы вновь не вызывать ее? Ужели въ самомъ дѣлѣ рѣшится просить Коммиссію объ исходатайствованіи новыхъ правъ?—Пожалуй, взыщутъ и за то, что имѣли непосредственную сдѣлку съ иностранцами, и за то, что много выписали книгъ неправославныхъ, и впредь свяжутъ покруче наши руки?—Посоветовавшись съ добрыми людьми я вотъ на чемъ остановился: написать къ Карлу Ланцу въ СІВ., чтобы онъ книги непропущенныя Цензурою возвратилъ къ Фоссу, на основаніи существующихъ Законовъ для Иностранной Цензуры, а къ Фоссу написать, чтобы онъ, буде понесетъ значительной убытокъ отъ сего, означилъ въ будущемъ *Ref[er]nung* (что считаю нужнымъ для умиренія его совѣсти, а не думаю, чтобы онъ изъ малости сталъ считаться,—а станетъ—нельзя отказать!),—(а въ Академію написать, чтобы она впредь остерегалась записывать въ реэстры свои книги, преслѣдуемая полиціею (что симъ и исполняется!), и въ заключеніе о себѣ пропубликовать на будущее время отказную отъ проходимой должности Коммиссіонерской по причинѣ слабости здоровья и недостаточности моего капитала для поддержанія сей коммерціи!—Говорю смѣясь, но обстоятельства серьезно сего требуютъ. Можете представить, сколько мнѣ хлопотъ отъ этихъ дѣлъ? А Моск. Дух. болѣе начинаютъ приставать ко мнѣ и посредственно и непосредственно. Вѣдь не въ самомъ дѣлѣ заводитъ торговлю, чтобы накладывать проценты, по крайней мѣрѣ на непредвидѣнные случаи и необходимые расходы? А безъ сего—почти каждый разъ мнѣ приходится приплачивать или при от-

сылкѣ писемъ или въ общемъ счетѣ суммы за книги... А притязательность и непризнательность, которой иногда выписавъ книги не хотятъ или медлятъ ихъ брать или медлятъ расплачиваться за нихъ,—всего тягостнѣе,—да и на меня нѣкоторые, конечно это очень немногіе, мало знающіе меня, смотрятъ въ самомъ дѣлѣ какъ на Коммиссіонера, получающаго свои выгоды—и это не легко!

Франц. книгъ я еще не покупалъ, въ во первыхъ потому, что у меня доннынѣ не было денегъ и 5 руб., а во вторыхъ и потому, что я хлопочу за реэстромъ для отправления въ Лейпцигъ. Хочется поскорѣе отправить, чтобы болѣе не скучали другіе. или прямо можно было отвѣчать, что дѣло отослано...

Петру Кузмичу ³¹⁾ съ моимъ почитаніемъ скажите, что я исполню ихъ порученіе, но послѣ прошу не гнѣваться, если не угожу выборомъ книгъ: это порученіе показалось очень не легкимъ для силы представительной или вообразительной (!): какія выбрать книги?—Послѣ при случаѣ напишу, какія книги будутъ записаны.

Къ О. Казначею Богоявл. записка немедленно отправлена по полученіи письма твоего. Вотъ пришла мнѣ на мысль просьба, съ которою я думалъ на досугѣ отправиться къ Вашему Отцу Ректору: у нихъ въ Монастырѣ стоятъ праздными настоятельскія лошади; а у Моск. Сем. Инспектора нѣтъ ни монастыря, ни коня, а иногда отъ скуки (хотя въ два мѣсяца разъ) проѣхался бы къ которому нибудь концу Москвы, но и пр... Того для не соблаговолено ли будетъ позволить О. Казначею и пр.—Нечего сказать,—у насъ въ этомъ стношеніи хуже многихъ Семинарій. Я или долженъ дома безъ выхода сидѣть или въ каждой слѣдъ нанимать. Но какъ для послѣдняго я условій не имѣю, поэтому дома сижу. Прежде хотя изрѣдка биралъ коляску у О. Ректора, на проѣздъ къ Митрополиту или еще куда, а теперь—остался одинъ возокъ, котораго я просить не смѣю.—Ну, это все пусто!

Прости, Другъ! Желая тебѣ добраго здоровья и во всемъ милости Божіей.

Т. Е.

Сент. 27 д. 1837 года,

³¹⁾ П. К. Словолюбовъ—баккалавръ греческ. яз.

Высокопреподобнѣйшему Отцу Ректору свидѣтельствую низжайшее почитаніе. Къ нимъ напишу, купивъ книги, если найду.

Прибав. Скажи мнѣ, Другъ, если есть въ вашей Библиотекѣ эта книга—и была у тебя подъ руками,—какое имѣетъ достоинство: *Luc. Holstenii codex regularum monasticarum et canonicarum?—auctus a Marc. Brockie. Aug. Uindel 1759. 6 Bände, fol.?*

P. S. Вашъ реэстръ или весь и по крайней мѣрѣ, наполовину надобно будетъ переписать. Объясненіе о книгахъ я въ письмѣ напишу. При томъ *im Buch[h]andlung dr-s. Voss* едва ли есть знающіи русскій языкъ. А тамъ Русскіе не такъ часты, какъ въ Ригѣ.

25.

Любезнѣйшій Другъ мой,

Александръ Василевичъ!

Благодарю тебя' за твое письмо, столько снисходительное къ моимъ немощамъ.

Не скажу, Другъ, что ты угадалъ, когда сказалъ: неправда ли и проч.? Твоя догадка истинно дружеская или догадка любви къ человѣку извиняемому по предположеніямъ. Но скрою ли отъ Друга свой стыдъ?—А не скрывая долженъ (охотно или неохотно) признаться, что догадка Друга моего не вѣрна. Мое письмо къ тебѣ, очевидно, было выраженіемъ моеи душевной болѣзни; въ спокойный часъ, конечно, я того не наговорилъ бы, что написано въ томъ письмѣ. Но разбирая свое состояніе и отношеніе его къ письму, я по двумъ причинамъ принужденнымъ себя нахожу признаться, что догадка моего Друга не совсѣмъ вѣрна. 1) То состояніе, въ которомъ я писалъ, кажется, и доселѣ не совсѣмъ прошло; и доселѣ я не такъ спокоенъ, чтобы могъ привести себѣ въ сознаніе неосторожности или и глупости моего письма... до сожалѣнія о посланномъ къ тебѣ письмѣ. 2) Хотя я не въ спокойномъ состояніи писалъ, впрочемъ не будучи виѣ себя: потому я въ письмѣ уже и сознавалъ грѣхи свои и извинялся—но позволь, Другъ, сказать главное, что нейдетъ въ разрядъ съ изложенными причинами, будучи несравненно сильнѣе ихъ: это увѣренность въ Другѣ! Безъ сомнѣнія, я

такъ не сталъ бы писать не къ Другу. Когда не хорошо писалъ, и сознавалъ, что это не хорошо, я нѣсколько извинялся и не принуждалъ себя ко многимъ извиненіямъ, чтобы мое письмо передъ Другомъ не было тѣмъ хуже. Не правда-ли?

Кажется, объ этомъ дѣлѣ по началамъ ума произнести рѣшеніе не легко, а съ моимъ сознаниемъ и ощущеніемъ мои слова согласны. Я или ни мало не оправдываюсь, а напротивъ болѣе обвиняю себя: обличаю болѣзненное расположеніе своего сердца. Видалъ ты, Другъ, больныхъ, которыхъ все до крайности беспокоитъ, представляясь въ преувеличенномъ видѣ? Кто скажетъ слово, а имъ кажется, кричатъ во весь голосъ; пройдетъ тихо, а имъ кажется, бѣжить и стучить; прикоснется къ больному слегка, а ему кажется, бьетъ или ударяетъ?—Мое состояніе, въ которомъ я писалъ къ тебѣ, нѣсколько походить на состояніе такого больного. Въ вашемъ письмѣ было написано съ опусками (которые ты въ послѣднемъ письмѣ пополнилъ), а мнѣ эти опуски подали поводъ къ недоумѣніямъ и сомнѣніямъ. Другъ въ моемъ письмѣ могъ замѣтить, что я послѣ недоумѣній и совѣтовъ съ добрыми людьми и Сводомъ Законовъ рѣшилъ дѣло точно такъ, какъ рѣшено въ письмѣ Друга моего, и когда я получилъ послѣднее письмо отъ Друга, у меня уже было написано и письмо къ Фоссу совершенно согласно съ духомъ письма моего Друга; оно безъ переписки и отослано къ Фоссу. Это выраженіе не страсти душевной!—Объ одномъ я пожалѣлъ... получивъ письмо отъ Друга и узнавъ изъ него, что мой Другъ получивъ письмо отъ больного Друга не удержалъ этаго письма при себѣ;—впрочемъ я и не видалъ его перехода далѣе какъ только къ другому Другу.—Какъ, спросишь, я узналъ это? Могъ я узнать отъ О. Казначей; но узналъ скорѣе: получивъ твое письмо, я не одумавшись распечаталъ записочку, вложенную въ твое письмо и прочиталъ все. И еще вотъ о чемъ я тутъ пожалѣлъ: мои слова въ твоёмъ письмѣ помѣщенные, О. Ректоръ принялъ за дѣйствительную просьбу переданную черезъ тебя. А я одумавшись, никакъ бы не сталъ просить О. Р. объ этомъ дѣлѣ. О. Ректоръ предварилъ мою просьбу: но не знаю, воспользуюсь ли я этимъ снисхожденіемъ. Представь, Другъ, какъ это покажется моему сосѣду? Второе,

кучеръ чужаго Монастыря даромъ соскучи[тся] возить меня. Третье, ну въ дрожкахъ шинь или что другое подь моимъ поѣздомъ испортится,—не обязанъ ли я буду за это отвѣчать?—Сообразивъ это, не согласишься ли лучше дома сидѣть, чѣмъ въ сомнѣнія или непріятности входить. Не такъ ли? По крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется.

Твое письмо, Другъ, я получилъ въ тѣ минуты, какъ я началъ писать вашъ книжный реэстръ; подь рядъ вписаль или черезъ умноженіе числа экземпляровъ помѣстилъ и вновь отмѣченныя тобою книги. Сегодня письмо съ реэстромъ отосланы на почту. Издержку при отсылкѣ письма законно возложить на отвѣтственность Академіи:—ибо мы платимъ страхъ за письма получаемыя отъ Фосса съ реэстрами, который равняется, а иногда и превышаетъ трату при отсылкѣ письма, которая въ извѣстномъ случаѣ простирается только до 4 р. 80 коп.

Французскихъ книжекъ, о которыхъ ты писалъ ко мнѣ, мнѣ не нашли въ здѣшнихъ лавкахъ, потому я ихъ и записаль въ каталогъ къ Фоссу. Разговоры найдены за 4 р. нынѣ и посланы были съ Василиемъ Григоріевичемъ. Здоровъ ли онъ теперь? Я съ болѣзнію смотрѣлъ на него, когда онъ отправлялся отселъ въ болѣзненномъ состояніи.

Ау, Другъ, прости! Словомъ или дѣломъ я согрѣшаю, прости меня! Впередъ авось не стану такъ неосторожно писать, но и не оскорбись, Другъ, если я не скоро стану писать. Всеу время. Есть періоды въ жизни человѣка, когда душа его бѣжитъ вотъ изъ себя. любить казаться внѣ себя, а есть періоды, когда она скрывается отъ себя и неохотно выходитъ изъ себя, хочетъ лучше молчать, нежели къ другимъ писать. Перемѣна говорливости на молчаливость, и радупія на скучливость по разнымъ свойствамъ сихъ періодовъ легко можетъ объясняться. По соображенію, уже, Другъ, ты можешь замѣтить, о чемъ мы прежде говаривали и о чемъ говоримъ? И то, о чемъ я говорю и о чемъ говариваль?—Такой разговоръ не прямо ли склоняетъ меня къ молчанію?—Одного опасаясь, какъ бы мнѣ не замолчать передъ учениками, а изъ прочаго немного выдетъ бѣды.

Сказать ли тебѣ, Другъ, что я нынѣ день дѣлалъ?—вписываль Лейпцигскія книги въ Правленскій Журналъ съ того реэстра, который мною былъ представленъ въ Семи-

нарское Правленіе: видишь, что я и Коммиссіонеръ и письмоводитель тотже за недостаткомъ людей! Не извинишь ли ты, Другъ, меня поэтому и въ томъ, что я сталъ скучать хлопотами изъ-за Лейпцигскихъ книгъ?—Я еоставляю каталогъ книгъ,—я ихъ переписываю и пишу письма къ Фоссу, получаю отъ него книги, разбираю, раздаю, рассчитываю,—отбираю для Сем. Библ., переписываю, предст. въ С. Прав., опять переписываю и отдаю переплетчику и отъ него получаю, представляю опять въ Правл. и вотъ опять такъ и еще такъ я принужденъ самъ ихъ вписывать въ Правл. Журналь! На что это походить?—Походить на то, что я въ этомъ виновать!—Ну простите меня!

Прости, Другъ! Желая тебѣ добраго здоровья, благаго успѣха въ трудахъ и спасенія о Господѣ! Помяни меня, и помолись о мнѣ Христа ради!

Грѣшный *Евсевій*.

Окт. 6 дн. 1837 г.

Приб. У насъ слухъ пронесся, что Пермскаго Ректора переводятъ въ Рязань, а на его мѣсто Арх. Климента изъ ПБургской Д. Академіи. Правда ли?—Узнаемъ отъ Васъ.

26.

Любезнѣйшій Другъ мой,

Александръ Васильевичъ!

Кувертъ я получилъ, къ Семену Николаевичу немедленно отправлю; къ корректурѣ онъ кажется еще непривыченъ; потому, если ему угодно будетъ для облегченія зрѣнія, послѣднюю корректуру я на себя приму. Вѣтъ къ нему стануть носить изъ подъ первыхъ тисковъ, а потому съ чрезвычайно многими опечатками.—Вотъ сейчасъ я къ нему посылаю; но его нѣтъ дома.

Т. Е.

Іюня 6 дня 1838 года.

27.

Любезнѣйшій Друже!

Друже Мой!

Благодарю тебя за письмо; мое благодареніе скажи и Андрею Ивановичу за участіе въ моемъ дѣлѣ. Желая Вамъ

за добрыя дѣла добраго здоровья и щедрой милости Божіей!

О книгахъ болѣе я не смѣю тебя беспокоить: теперь у васъ не до насъ. А объ одной попрошу, о которой я просилъ О. Ректора—изданіи сочиненій Св. Златоустаго. Это нужно О. Даніилу. Пусть онъ и не такъ скоро станетъ выписывать; но мнѣ хочется поскорѣе удовлетворить его просьбѣ, а онъ человекъ добрый, и я раза три послѣ Пасхи былъ у него и съ миромъ душевнымъ выходилъ отъ него, и тяжело сказать, а надобно бы сказать болѣе. О. Ректоръ конечно теперь заваленъ дѣлами; ему я не сталъ напоминать.—Скажи, Другъ, что у васъ будетъ новаго? Какія послѣдуютъ перемѣны? Какія предопредѣленія? И пр. и пр.

У насъ не слышно ничего: Владыка къ намъ не такъ откровененъ; думаю, у Васъ будетъ откровеннѣе, и скажетъ болѣе.

Вашъ экзамень на дворѣ, а нашъ у воротъ. Я своихъ учениковъ муштрую уже по билетамъ, раздѣливъ всѣ уроки на нѣсколько повтореній, по 17 билет. заключающихъ; вызываю къ столу; беретъ ученикъ билетъ, посмотритъ на него у стола и отвѣчаетъ. Теперь хорошо отвѣчаютъ; не знаю, какъ будутъ отвѣчать на испытаніи. А билеты большею частию не менѣе поллиста, а нѣкоторые и болѣе. Это повтореніе дѣлаю чрезъ два дня на третій; въ промежутки читаю впередъ; еще много не дочиталъ изъ Новѣйшей Исторіи: притомъ по Конспекту обязалъ себя прочитатъ сравнительную характеристику Философіи всѣхъ періодовъ, а изъ сего разсужденія вывести заключительныя разсужденія о бѣдности Философіи безъ Откровенія; и затѣмъ о необходимости подчиненія Философіи Откровенію; и объ отношеніи такой Философіи къ Откровенію и прочимъ наукамъ необходимымъ въ обществѣ Государственномъ. Писать не буду, а заставлю мысли записывать самихъ учениковъ.

Прости, Другъ! Ужъ я не спавши занимаюсь въ другой день т. е. черезъ ночь переваливаюсь къ новому дню.—Когда окончатся дѣла, скажи мнѣ, Другъ, какія у Васъ въ Академіи извѣстны порядочныя логики, кромѣ разсужденія Бахмана? Если мнѣ придется въ слѣдующій курсъ учить тому же предмету (а есть надежда, что придется); то я думаю, если Господь поможетъ, писать Логику, которой я не пи-

саль, потому что она до меня пройдена. А потому мнѣ хочется знать, на какія руководства мнѣ тогда нужно будетъ обратить вниманіе,—хотя конечно и изъ одного Бахмана можно сдѣлать очень хорошинькія урочки для школы; но можетъ быть что нибудь можно будетъ занять и у другихъ.

.Прости, Другъ! Будь здоровъ и молись Богу и сидя и стоя и ходя. Молись, Другъ! Господь всегда стоитъ предъ нами, и душа способна всегда молиться Ему: и въ кельѣ, и въ Храмѣ, и въ школѣ и подъ открытымъ небомъ. Прости, Другъ!

Пишетъ грѣшный монахъ Е.

А посылаетъ письмо съ своимъ зятемъ, за коимъ моя сестра Софія Поликарповна; Она съ нимъ.

7 Юня.

28.

Ваше Высокопреподобіе,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Съ самага возвращенія моего въ Могилевъ, въ первыхъ числахъ минувшаго Юня мѣсяца и до настоящаго времени, повторялось въ моей душѣ желаніе написать къ Вамъ, что бы благодарить Васъ за радушный приѣмъ братчика, да такъ желаніе и оставалось желаніемъ. Причинъ не стану показывать: онѣ Вамъ и каждому должностному человѣку знакомы. А теперь хотѣлось бы мнѣ сказать, если бы о будущемъ могли мы рѣшительно говорить: буду лично благодарить. Собираюсь въ обратный путь, воспользовавшись льготнымъ мѣсяцемъ, даннымъ мнѣ по ходатайству Г. Главнокомандующаго въ западныхъ губерніяхъ. Имѣю намѣреніе оставить Могилевъ 16-го сего Октября; поѣду на Москву, въ которой уповаю быть около 25 ч. Въ Москвѣ нужно мнѣ исполнить нѣкоторыя порученія Могилевскаго Духовенства. Хотѣлось бы мнѣ хотя на самое короткое время заѣхать въ св. обитель Преподобнаго Сергія; но сомнѣваюсь, успѣю ли управиться съ дѣлами; а 30-го надобно быть въ Питерѣ.

Какъ путешествія мои по Могилевской епархіи, такъ и пребываніе въ Могилевѣ, были безъ особыхъ приключеній, и безъ видимыхъ опасностей. Хотя въ путешествіяхъ иногда

меня провожала стража изъ крестьянъ, но и это, кажется, было болѣе для вида, чѣмъ по нуждѣ. По видимому, все тихо; но внутреннія расположенія католиковъ или поляковъ (здѣсь это синонимы) не удовлетворительны. Какъ это? Объясню примѣромъ. На дняхъ одинъ юноша изъ воспитанниковъ Горыгорецкаго Института, убѣжавшій изъ шайки мятежниковъ, по уваженію его искренняго раскаянія Высочайше былъ прощенъ. По совѣту добрыхъ людей, онъ рѣшился принять православіе, а вмѣстѣ съ этимъ ему, данъ совѣтъ удалиться изъ Могилевской губерніи въ одну изъ внутреннихъ, что бы быть внѣ опасности. Онъ поступаетъ въ полкъ. Такъ мало вѣрятъ видимой тишинѣ! ³²⁾

Вотъ моя покорнѣйшая просьба. Деньги слѣдующія къ полученію по хранящемуся у Васъ билету (500 р.) назначены на устройство новой ризницы для здѣшняго кафедральнаго собора въ добавокъ къ имѣющимся при немъ недостаточнымъ средствамъ. Не будетъ ли въ это время О. Геронтій ³³⁾ Вашъ въ Москвѣ! Поручите ему получить деньги по билету, и передать О. Архимандриту Агапиту, Настоятелю Новоспасскаго Монастыря, ³⁴⁾ за исключеніемъ того количества рублей, какое будетъ израсходовано по этому дѣлу на извозчиковъ и проч. А если бы это совпало со временемъ моего пребыванія въ Москвѣ, то и непосредственно мнѣ могъ бы передать, и эти деньги въ тоже время моего пребыванія въ Москвѣ должны быть переданы за матеріалы для ризницы.

Слышу изъ Москвы, что въ стѣнахъ Лавры случилось грустное событіе ³⁵⁾. Но гдѣ въ мірѣ не случается подобныхъ несчастій? Хотя случаи и даютъ правила, а все таки и правила и предосторожности по нимъ не предостерегутъ отъ случайностей, если Господь не покроетъ Своимъ охраненіемъ.

³²⁾ Западный край считался въ то время еще не вполне умиротвореннымъ послѣ польскаго мятежа, бывшаго въ началѣ 1863 г.

³³⁾ Никольскій, экономъ Академіи, землякъ преосвящ. Евсевія (изъ Тульской г.), † въ 1867 г.

³⁴⁾ Переведенъ изъ Юсифо-Волоколамскаго монастыря; былъ настоятелемъ Московскаго Новоспасскаго монастыря съ 1852 до 1867 г.

³⁵⁾ Убіеніе лаврскаго іеромонаха Аввакума какимъ-то послушникомъ Петромъ, случившееся осенью 1863 года. Покойный былъ одинъ изъ заведующихъ денежною частью въ лаврѣ, и преступникъ рассчитывалъ найти у него деньги, но ошибся въ своихъ ожиданіяхъ.

Искренно желая Вашему Высокопреподобію всякаго благопотребнаго блага отъ Всеблагаго, съ душевнымъ почтеніемъ и братскою любовью честь имѣю быть

Вашего Высокопреподобія

покорнѣйшій слуга

Евсевій А. Могилевскій.

Окт. 7 д. 1863 г.

29.

Ваше Высокопреподобіе,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Усердно благодарю Васъ за долговременное исполненіе моего порученія³⁶⁾ и довершеніе его чрезъ доставленіе порученнаго О. Архимандриту Агапиту. А имъ, до прибытія моего въ Москву, чрезъ довѣреннаго исполнено то, о чемъ Вы просили его. Впрочемъ ему же, О. Архимандриту, опять оставлено и полученное и добавленное, для врученія по назначенію за матеріалы для приготавливаемой ризницы, когда они будутъ доставлены, по приготовленіи ихъ на фабрику.

Очень мнѣ было жаль, что въ минувшій разъ не могъ я быть въ обители Преподобнаго Сергія. Это случилось такъ. Прибыль я въ Москву 26 Октябр. въ 8-мь часовъ утра. Квартира моя въ Новоспасскомъ и въ этотъ пріѣздъ. Спрашиваю, Владыка въ Москвѣ ли? Говорятъ: еще не возвратился. Поѣхалъ я къ Викарію, Преосвящ. Леониду³⁷⁾. Къ нему пришелъ Андрей Николаевичъ Муравьевъ.³⁸⁾ Они, разсуждая, почти рѣшали, что Владыка въ этотъ день не будетъ въ Москву. Возвращаясь въ Новоспасскій, я рѣшался въ мысляхъ, на другой день, т. е. въ Воскресенье отправиться къ обѣднѣ въ Лавру, полагая, что Владыка, вѣро-

³⁶⁾ Разумѣется исполненіе просьбы о полученіи и передачѣ архим. Агапиту денегъ (500 р.), изложенной въ предыдущемъ письмѣ.

³⁷⁾ Леонидъ Краснопѣвковъ былъ викаріемъ Московскимъ, епископомъ Дмитровскимъ, съ 1859 по 1876 г., потомъ былъ архіепископомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ; скончался въ томъ же 1876 г.

³⁸⁾ Андр. Ник. Муравьевъ (1805—1876 г.г.), братъ гр. Мих. Ник. Муравьева-Вилленскаго и Ник. Ник. Муравьева-Карскаго, пѣвѣстный путешественникъ и писатель, авторъ многихъ сочиненій по богословію и церковной исторіи.

ятно, до обѣдни не поѣдетъ въ Москву. Въ 4-мъ часу послѣ полудня Владыка Леонидъ увѣдомилъ меня, что Владыка Митрополитъ ³⁹⁾ прибылъ. Мой планъ о поѣздкѣ въ Лавру и разрушился. На другой день въ 5-мъ часу вечера явился ко Владыкѣ, и на другой день т. е. 28-го въ тоже время былъ у него; а на третій, 29-го, въ 12 часовъ дня сѣлъ на чугунку. 30-го надлежало быть въ Петербургѣ. Такъ и не могъ я быть въ блаженной обители угодника Божія. Прошу Вашей молитвы предъ Нимъ о моемъ недостойнствѣ.

Путь мой, отъ Могилева до Петербурга, по милости Божіей, совершился безъ большихъ приключеній. Ёхалъ я съ Рославля, ⁴⁰⁾ который отъ границы вѣреннѣйшей мнѣ епархіи въ 28 верстахъ,—на Орель и Тулу. Дважды встрѣчался съ зимою, сперва выѣзжая изъ Орла, и потомъ въ Москвѣ.

Здѣсь тихо. Ничего особеннаго не слышно. Нынѣ въ присутствіи Св. Синода Г. Оберъ-Прокуроръ ⁴¹⁾ предложилъ о назначеніи Вамъ добавочныхъ къ жалованью тысячи рублей ⁴²⁾. Свят. Синодъ изъявилъ согласіе. Сей часъ Мною подписанъ и протоколъ по этому предмету. И слава Богу! А Васъ поздравляю съ этимъ даромъ Божиимъ.

Отъ всей души желая Вашему Высокопреподобію всѣхъ благодѣтельныхъ милостей отъ всеблагаго Господа съ душевнымъ почтеніемъ и братскою любовію честь имѣю быть

Вашего Высокопреподобія

Возлюбленнаго Брата о Господѣ

покорнѣйшимъ слугою

Евсевій А. Могилевскій.

Ноября 13 д. 1863 г.

³⁹⁾ Высокопреосвящ. Филаретъ.

⁴⁰⁾ Уѣздный городъ Смоленской г.

⁴¹⁾ А. П. Ахматовъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода съ 1862 по 1865 г., † въ 1870 г.

⁴²⁾ При незначительности въ то время ректорскаго жалованья (858 р. въ годъ) ректорамъ-архимандритамъ Московской Духовной Академіи обыкновенно давался въ управленіе какой-либо изъ монастырей Московской епархіи (напр. Донской, Новоспасскій, Ново-Іерусалимскій). А. В. Горскій былъ первый ректоръ протоіерей, и такъ какъ ему нельзя было дать въ управленіе монастыря, то вскорѣ послѣ опредѣленія его ректоромъ Академіи (23 октября 1862 г.) ему была назначена прибавка къ жалованью въ тысячу рублей.

30.

Ваше Высокопреподобіе,
Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Могилевскому страннику ⁴⁸⁾ благоволите дать пріютъ въ Вашихъ келліяхъ. Можетъ быть ему придется быть въ стѣнахъ Святой Обители нѣсколько часовъ. Если Богъ благословить полагаю быть въ Москвѣ 26 іюн., а 27-го подъ сѣнію Угодника Божія. Знаю, что Вамъ теперь не до странниковъ. Сила Божія да поможетъ Вамъ и сущимъ съ Вами!

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть

Вашего Высокопреподобія
покорнѣйшимъ слугою

Евсевій А. Могилевскій.

Іюн. 23 д. 1864 г.

31.

Ваше Высокопреподобіе,
Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Привѣтствую Васъ съ предстоящими праздниками во славу Христа Спасителя, ради нашего спасенія благоволившаго родиться въ вертепѣ Виѣлеемскомъ, принять обрѣзаніе въ осьмый день и креститься отъ Іоанна въ водахъ Іордана.

Свѣтъ, осіявшій пастырей Виѣлеемскихъ, и миръ, возвѣщенный имъ небесными Ангелами, да пребудутъ выну съ Вами, по благодати Господа Спасителя. Онъ да пошлетъ Вамъ Ангела, благовѣстника мира и радости на чреду Ангела, отлетѣвшаго въ міръ горній.

Податель сего письма доставляетъ Вамъ нѣсколько экземпляровъ новоизданной книги, подъ заглавіемъ: Бесѣды на воскресныя и праздничныя чтенія изъ Апостола, въ двухъ томахъ. Прошу экземпляръ принять для Вашей собственной бібліотеки; изъ прочихъ по одному экземпляру передайте

⁴⁸⁾ Рѣчь идетъ о самомъ Евсевіи.

Отцу Инспектору ⁴⁴⁾, Петру Симоновичу ⁴⁵⁾, Егору Васильевичу ⁴⁶⁾, Сергѣю Константиновичу ⁴⁷⁾, Дмитрію Θεодоровичу Голубинскому. Одинъ прошу переслать Г. Горчаковымъ. А остальные раздайте по Вашему благоусмотрѣнію.

Искренно желая Вамъ всѣхъ благопотребныхъ милостей отъ всеблага Господа, съ истиннымъ почтеніемъ и братскою о Господѣ любовію честь имѣю быть

Вашего Высокопреподобія
покорнѣйшимъ слугою

Евсевій А. Могилевскій.

Декабря 7 д. 1867 года-

32.

Ваше Высокопреподобіе,
Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Первый помысль, побудившій меня писать это письмо,— это память о Вашемъ приглашеніи меня въ Москву, и къ Вамъ. Не обѣщавъ я, но въ мысляхъ по временамъ не переставалъ повторять предположенія, какъ бы исполнить желаніе и свое и ближнихъ. Изъ Москвы О. Архимандритъ Агапить повторялъ тоже, что и Вы писали, и предлагалъ квартиру у себя. Но подвергая пересмотру свое предположеніе въ разныхъ отношеніяхъ, никакъ не могъ убѣдиться, что должно исполнить желаніе. И если бы рѣшился я поѣхать, то погрѣшилъ бы противъ апостольскаго правила: *всяко, еже не отъ вѣры, грѣхъ есть.*—А если Ваше разсужденіе признаетъ меня виноватымъ, то прошу снисходительнаго суда.

А о многомъ и очень многомъ мнѣ хотѣлось бесѣдовать съ Вами и съ сущими въ Москвѣ. Въ настоящее время такъ много возбуждается вопросовъ неудоборазрѣшимыхъ. Знаю, что и въ Москвѣ и у Васъ на иные вопросы не нашелъ бы

⁴⁴⁾ Архим. Михаилу Лузину (впоследствии (1876—1878 гг.) ректоръ Академіи, съ 1878 по 1883 г. викарій Кіевской епархіи, епископъ Уманскій и Ректоръ Кіевской Дух. Академіи, съ 1883 г. епископъ Курскій; сконч. въ 1887 г.).

⁴⁵⁾ Казанскому, профессору Москов. Духовн. Академіи. † въ 1878 г.

⁴⁶⁾ Амфитеатрову, проф. Академіи, † въ 1888 г.

⁴⁷⁾ Смирнову, проф., впоследствии ректору Академіи. † въ 1889 г.

разрѣшенія; но иногда и въ этихъ случаяхъ полезно бываетъ и знать другое, третіе мнѣніе, хотя и не рѣшающее дѣла.

А Ваше путешествіе въ Кіевъ ⁴⁸⁾ меня очень много занимало. Пожалѣлъ я, что къ этому времени не подоспѣла желѣзная дорога на Могилевъ (которая впрочемъ еще и не начата). Если бы была эта дорога, Вы заѣхали бы въ Могилевъ. Никого я не видѣлъ изъ тѣхъ лицъ, которые были на кіевскомъ юбилейномъ праздникѣ, и ни отъ кого не имѣлъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ газетныхъ. Можетъ быть, среди праздниковъ и не много можно было слышать о дѣлахъ несправа. Но казалось, что соборъ многихъ представителей не могъ не имѣть разсужденій, въ иные часы, и о дѣлахъ не относящихся къ празднику. Мнѣ хотѣлось быть и въ Кіевѣ, только не въ этотъ праздникъ: хотѣлось встрѣтиться съ Владыкою Митрополитомъ. Но это свиданіе не оказалось удобнымъ.

Въ минувшее лѣто я четыре раза выѣзжалъ въ епархію, на непродолжительное время, и во всѣ четыре раза проѣхалъ не болѣе 1300 верстъ. Остальное время провелъ въ Печерскѣ, т. е. въ загородномъ (архіерейскомъ) домѣ. Время, какое могъ уберечь отъ текущихъ дѣлъ, употребилъ на собраніе сноповъ, остававшихся на полѣ моей службы не собранными. Разумѣю свои проповѣди, говоренныя въ воскресные и праздничные дни во всѣ годы моего служенія въ разныхъ мѣстахъ. Два небольшихъ тома отправлены въ Петербургъ, и печатаются въ типографіи Пр. Гречулевича. Можетъ быть въ началѣ будущаго года, если Богъ благословитъ, будутъ окончены печатаніемъ. Знакомый Вамъ іеродіаконъ Сергій, бывший послушникъ Иннокентій, доставитъ Вамъ экземпляръ напечатанной книги. Онъ въ то время, какъ будетъ напечатана книга, долженъ будетъ отправиться въ Петербургъ и въ Москву.

Обо мнѣ спрашиваютъ знакомые въ Петербургѣ, не скучаю ли я здѣсь, въ уединеніи своего рода. Думаю, что Вы такого вопроса не предложили бы. А я благодарю Бога, что въ настоящее время Господь благословилъ меня симъ уединеніемъ и тѣмъ освободилъ меня отъ немалыхъ искушеній.

⁴⁸⁾ На юбилей (пятидесятилѣтній) Кіевской Духовной Академіи (28 сентября 1869 г.), со времени ея преобразованія въ 1819 г.

О томъ, что пишутъ о Московской Д. Академіи, не спрашиваю: пусть время говоритъ ⁴⁹⁾. А если Д. Академія, пользуясь удобствомъ пути, отправится въ Москву: то благо было бы, если бы на ея мѣстѣ водворилась апостольская академія, или миссіонерское училище. А Академія въ Москвѣ иное пріобрѣтетъ, иное потеряетъ, можетъ быть, наилучшее. Дай Богъ, чтобы потеря не слишкомъ была велика.

Смиренно прошу Вашей молитвенной памяти о моемъ недостойнствѣ.

Съ искреннимъ почтеніемъ и благожеланіемъ, и братскою о Господѣ любовію честь имѣю быть

Вашего Высокопреподобія
покорнѣйшимъ слугою

Евсевій А. Могилевскій.

Ноябр. 18 д. 1869 года.
Могилевъ на Днѣпрѣ.

Когда встрѣтитесь съ Отцомъ Намѣстникомъ Лавры ⁵⁰⁾, прошу сказать ему отъ меня почтеніе.

33.

Высокопреподобнѣйшій Отецъ Ректоръ,
Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Прошу принять съ братскою любовію при семь посылаемая Вамъ книги—1 и 2 томъ нынѣ отпечатанныхъ моихъ проповѣдей ⁵¹⁾.

Одинъ экземпляръ прошу передать Отцу Архимандриту Михаилу, Инспектору Академіи, а прочіе лишніе раздадите, по Вашему благоусмотрѣнію, на Вашей сторонѣ. А на другую сторону,—О. Намѣстнику Лавры посылаю особо.

Вашему Высокопредобію искренно желая отъ Господа Бога всѣхъ милостей, благопотребныхъ для жизни настоящей

⁴⁹⁾ Здѣсь идетъ рѣчь о предполагавшемся въ то время перемѣщеніи Московской Духовной Академіи въ Москву. Вопросъ этотъ въ 1869 г., передъ введеніемъ новаго академическаго устава, вызвалъ оживленный обмѣнъ мыслей и даже полеміку. Нѣкоторые профессора Академіи писали въ пользу перенесенія Академіи статьи въ „Православномъ Обзорѣніи“ 1869 г.

⁵⁰⁾ Антоній (1789—1877 гг., намѣстникъ Лавры съ 1831 г.).

⁵¹⁾ Проповѣди на дни воскресные и праздничные, два тома (Спб., 1870).

и будущей, и усердно прося Вашей молитвенной памяти о моемъ недостоинствѣ, съ душевнымъ почтеніемъ и братскою о Господѣ любовію честь имѣю быть

Вашего Высокопреподобія
покорнѣйшимъ слугою

Евсевій А. Могилевскій.

Март. 6 д. 1870 года.

Введеніе О. А. Михаила въ Новоз. Книги читаю съ назиданіемъ, хотя медленно подвигаюсь впередъ по недосугамъ.

34.

Высокопреподобнѣйшій О. Протоіерей,

Милостивый Государь!

Препровожденные при отношеніи Вашего Высокопреподобія отъ 2 минуваго Мая за № 75-мъ, экземпляры объявленія о возобновленіи изданія Твореній Св. Отцевъ въ русскомъ переводѣ ⁵²⁾ разосланы по епархіи, съ приглашеніемъ Духовенства къ приобрѣтенію сего изданію по мѣрѣ возможности.

Сообщая объ этомъ Вашему Высокопредобію, и принося Вамъ, Милостивый Государь, искреннюю благодарность за присланный при означенномъ отношеніи въ даръ мнѣ экземпляръ первой книжки Твореній Св. Отцевъ, за текущій годъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть

Вашего Высокопреподобія
покорнѣйшимъ слугою

Евсевій А. Могилевскій.

Іюня 22 дня 1871 года.

35.

Высокопреподобнѣйшій Отецъ Протоіерей,

Возлюбленный о Господѣ Братъ! ⁵³⁾

Письмо Ваше отъ 21 Генваря сего года почти постоянно

⁵²⁾ Изданіе Академіи: „Твореніе св. отцевъ съ прибавленіями къ нимъ духовнаго содержанія“, основанное въ 1843 г., прекращалось дважды: съ 1865 по 1870 гг. и съ 1873 по 1879 гг.; окончательно прекратилось въ 1891 году. Съ 1892 г. вмѣсто „Прибавленій“ издается „Богословскій Вѣстникъ“.

⁵³⁾ Письмо это писано въ отвѣтъ на предложеніе А. В. Горскаго пожерт-

лежало передъ моими глазами, на бюро, на которомъ всегда пишу. Мало будетъ преувеличія, или еще не доскажу, если скажу, что стократно хотѣлъ писать отвѣтъ на это письмо, и удерживался.

За письмо Ваше много благодаренъ я, и это чувство ношу въ моей душѣ. Письмо Ваше много сказало мнѣ, и между прочимъ и то, на что мнѣ хотѣлось удовлетворительно отвѣчать Вамъ. Но какъ ни хотѣлось исполнить это желаніе, до сего времени не придумалъ, какъ исполнить это желаніе здѣсь, въ Могилевѣ. Потому, впоследствии многократныхъ соображеній, остановился я на такомъ заключеніи: обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою, по этому дѣлу. У насъ здѣсь нѣтъ порядочныхъ мастеровъ, да и не умѣю остановиться на предметѣ, который бы отвѣчалъ хорошо Вашему желанію и обстоятельствамъ Академическаго святилища. Какая мысль встрѣчалась мнѣ неоднократно, скажу. Самый замѣчательный для меня день въ Моск. Д. Академіи — это день Пятидесятницы въ 1832 году,¹⁾ день моего постриженія въ Монашество. Поэтому и повторялась мысль — принести въ Вашъ храмъ икону Св. Троицы, съ надписью года и дня.

Если это не противно будетъ Вашимъ соображеніямъ, то я покорнѣйше прошу Ваше Высокопреподобіе, благоволите поручить кому-нибудь написать икону рукою достойнаго мастера дѣла въ размѣрѣ, какой признаете болѣе удобнымъ по мѣсту для него предназначенному въ Вашемъ храмѣ, и устроить для иконы приличную раму, также соответствующую мѣстной обстановкѣ. По заказѣ, по опредѣленіи цѣнности и иконы и рамы, благоволите увѣдомить меня. Деньги вышлю безъ промедленія въ Ваше распоряженіе. Искренно желаю, что бы дѣло было исполнено хорошо, по Вашему указанію, и соответствовало своему назначенію. Мнѣ не хо-

твовать какую-либо икону въ новоустроенный тогда академическій храмъ. Высокопреосвящ. Евсеvій съ величайшею готовностью откликнулся на это предложеніе и пожертвовалъ въ академическій храмъ икону Св. Троицы, находящуюся нынѣ въ иконостасѣ по правую сторону отъ царскихъ вратъ, и представляющую собою точный снимокъ съ древней иконы, находящейся въ иконостасѣ Лаврскаго Троицкаго собора съ правой стороны. Написана икона была монастырскимъ иконописцемъ И. М. Мальшевымъ.

¹⁾ 29-го мая.

тѣлось Васъ безпокоить, зная, какъ много у Васъ хлопотъ; но рѣшился просить Васъ, уповая на Вашу доброту, на Вашу любовь.

У насъ, въ Могилевѣ, холера довольно сильная. Говорятъ, уже взяла и проводила на тотъ свѣтъ не менѣе двухъ сотъ съ половиной или до трехъ сотъ христіанъ, и болѣе чѣмъ вдвое евреевъ. И до сего времени еще много больныхъ и довольно умирающихъ, хотя и значительно слабѣе дѣйствуютъ, чѣмъ въ началѣ. По уѣздамъ также во многихъ мѣстахъ дѣлаетъ опустошенія не малыя. Сейчасъ, на примѣръ, такой случай рассказали: отъ Могилева верстахъ семи или осьми крестьянскіе мальчики пасли лошадей около лѣса. Въ лѣсу нашли яблонь съ яблоками. Нарвали яблокъ. Развели огонь: напекли яблокъ, поѣли и всѣ заболѣли холерою, и въ короткое время всѣ померли. Ихъ было семеро. Также нѣсколько и ходившихъ за ними, больными, вскорѣ пошли на тотъ свѣтъ.

Живу я съ послѣднихъ чиселъ мая въ Печерскѣ. Служу въ праздники и воскресные дни постоянно въ Могилевѣ. Весною ста три версты проѣхалъ по епархіи. Хотѣлъ еще ѣхать въ сентябрѣ; но теперь распространившаяся холера не позволяетъ предпринимать это путешествіе. Около меня по милости Божіей, до сего времени больныхъ холерою не было, хотя признаки холерины по временамъ многіе испытывали.

Въ Могилевской Семинаріи теперь нѣтъ Ректора. Исправляющій его должность Инспекторъ, Архимандр. Израиль,⁵⁵⁾ не можетъ быть Ректоромъ, такъ какъ не имѣетъ требуемой Уставомъ ученой степени. Дѣлу даль я законное движеніе. Чѣмъ кончится, не знаю.

Вслѣдствіе новыхъ правилъ касательно производства во священники,⁵⁶⁾ въ Могилевск. Семинаріи лучшая половина учениковъ средняго отдѣленія взяли увольненіе изъ Семинаріи и отправились кто куда, искать себѣ дорогу къ счастію чрезъ поступленія въ свѣтскія заведенія. Этого нельзя

⁵⁵⁾ Никулицкій, впоследствии епископъ Вологодскій, † 1894 г.

⁵⁶⁾ По Высочайше утвержденному 16 апрѣля 1869 г. положенію было подтверждено, чтобы въ санъ діакона рукополагать только достигшихъ 35 лѣтъ отъ роду, а въ санъ священника, по возможности, не моложе 30 лѣтъ.

было не ожидать. Объ этомъ писалъ я въ П—Б. вскорѣ по полученіи новыхъ законоположеній. Повидимому, это сознаютъ; но легче было сдѣлать, чѣмъ сдѣланное передѣлать или исправить. Нужно время, что бы сознаніе утвердилось, и открылось удобство къ поправленію сдѣланнаго.

Искренно желая Вамъ всѣхъ благопотребныхъ милостей отъ Господа, и испрашивая Вашей молитвенной памяти о моемъ недостойнствѣ, съ глубокимъ почтеніемъ и братскою о Господѣ любовію честь имѣю быть

Вашего Высокопреподобія
покорнѣйшимъ слугою

Евсевій А. Могилевскій.

Авг. 24 д. 1871 года.
Могилевъ на Днѣпрѣ.

36.

Ваше Высокопреподобіе,
Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Съ новымъ годомъ поздравляю Васъ. Владыка времени и вѣчности да умножить и преумножить Ваши годы, даруетъ Вамъ совершенное здравіе, и благопоспѣшествуетъ подвигамъ Вашего служенія на пользу многихъ, во славу имени Его.

Податель письма подаетъ Вамъ пять экземпляровъ книги, въ пятый разъ напечатанной подъ названіемъ: Бесѣды о седми спасительныхъ таинствахъ Православной Церкви. Примите благосклонно и съ братскою любовію, и употребите по Вашему благоусмотрѣнію.

Письмо мое дополнитъ податель его, если Вамъ угодно будетъ спросить его о Могилевскомъ архіереѣ. Прошу Васъ сказать слово въ отвѣтъ, если и онъ о чемъ спросить. Онъ мнѣ передастъ Ваши слова.

Усердно прошу Вашей братолюбной, молитвенной памяти о мемъ недостойнствѣ.

Съ искреннимъ почтеніемъ и братскою о Господѣ любовію честь имѣю быть

Вашего Высокопреподобія
покорнѣйшимъ слугою

Евсевій, А. Могилевскій.

Январ. 7 д. 1872 года.

37.

Ваше Высокопреподобіе,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Примите мою искреннюю благодарность за Вашъ радушный пріемъ моего посланнаго и за Ваше благоснисходительное собесѣдованіе съ нимъ. Онъ способенъ иногда предлагать вопросы не по своимъ силамъ; но онъ имѣеть отъ Бога даръ хорошо сохранять въ памяти и передавать слышанное. Одно слово, изъ переданныхъ имъ, меня весьма обрадовало, если это слово вышло изъ устъ Вашихъ не случайно и не въ иномъ разумѣ, нежели какъ имѣ понято. Это слово о Вашей мысли когда нибудь, а можетъ быть, и въ будущее лѣто, совершить путешествіе до Могилева.

Это слово такъ меня обрадовало, что я въ тотже день, какъ услышалъ его, хотѣлъ писать Вамъ благодарность; но удержался, что бы не показаться страннымъ. Мысль просить Васъ въ Могилевъ многократно приходила; но я не позволялъ себѣ послѣдовать ей; потому что почиталъ неудобноисполнимою для Васъ, и дерзновенною для себя, не присвоая себѣ права ожидать отъ Васъ столько вниманія къ моей просьбѣ, что бы Вы рѣшились исполнить ее. Думалъ я: чѣмъ сдѣлаю просьбу обязательной? Чѣмъ привлеку Васъ къ тому уединенію, гдѣ я, по благословенію Божію, уже нѣсколько лѣтъ проводилъ лѣтніе мѣсяцы, Іюль и Августъ, а иногда и Іюнь и часть Сентября, — разумѣю загородный домъ—въ Печерскѣ? Тамъ все просто, какъ даетъ природа, почти безъ помощи искусства.

Дай Богъ, что бы Ваше слово не затерялось въ атмосферѣ Вашей многосторонней дѣятельности и разнообразныхъ впечатлѣній. Дай Богъ, что бы мысль слова обнаружилась и оправдалась! Если возникнетъ движеніе по мысли слова, то покорнѣйше прошу Васъ сказать, когда рѣшитесь или предположите рѣшиться на это путешествіе? Полагаю, что, если это возможно, то возможно будетъ въ Ваше вакаціальное время, которое и я для себя считаю вакаціальнымъ, потому что не предпринимаю въ Іюль и Августъ путешествій по епархіи, что бы не отнимать народъ отъ обыкновенныхъ занятій ихъ.

Онъ, іерод. Сергій, передалъ мнѣ и о томъ, о чемъ про-

силѣ я Васѣ. ⁵⁷⁾ Что бы не было сомнѣній, на дняхъ пришлю залогъ.

Могилевъ ожидаетъ новаго Губернатора, если правда, что прежній, служившій здѣсь менѣе полутора года, не возвратится изъ Петербурга. При мнѣ это былъ третій Начальникъ губерніи.

Съ истиннымъ почтеніемъ и братскою о Господѣ любовію честь имѣю пребыть

Вашего Высокопреподобія
покорнѣйшимъ слугою

Евсевій, А. Могилевскій.

Март. 13 д. 1872 года.
Могилевъ на Днѣпрѣ.

38.

Ваше Высокопреподобіе,
Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Посылаю при семь двѣсти рублей на устройство иконы Св. Живоначальныя Троицы, о которой писалъ я Вашему Высокопреподобію прежде.

Сколько потребуется въ восполненіе по этому предмету, прошу покорнѣйше о томъ увѣдомить меня.

Съ истиннымъ почтеніемъ и братскою о Господѣ любовію честь имѣю быть

Вашего Высокопреподобія
покорнѣйшимъ слугою

Евсевій, А. Могилевскій.

Март. 14 дн. 1872 г.

39.

Ваше Высокопреподобіе,
Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Поздравляю Васъ съ новымъ лѣтомъ Благодати Господней, и искренно желаю Вамъ обновленія въ силахъ душевныхъ и тѣлесныхъ, что бы въ крѣпости силѣ съ новою ревностію продолжать служеніе Церкви и Отечеству, во славу, Подателя всѣхъ благъ.

⁵⁷⁾ Рѣчь идетъ объ иконѣ.

По обычаю, податель письма, Герод. Сергіи повторяетъ свое дѣло, чтобы быть въ Петербургѣ, въ Москвѣ, поклониться своему Покровителю, Преподобному Сергію, видѣть людей, слышать о нихъ и мнѣ сказать. Въ этомъ случаѣ онъ для многихъ или замѣняетъ или дополняетъ мои письма, а также служить для меня вмѣсто отвѣтныхъ писемъ, и въ нѣкоторой степени поддерживаетъ мое знакомство съ знакомыми мѣстами. Такъ онъ является и къ Вашему Высокопреподобію: онъ посмотритъ на Васъ, услышитъ слово отъ Васъ, и мнѣ скажетъ. А если Вамъ будетъ угодно, онъ дополнитъ мое письмо для Васъ, насколько Вамъ будетъ угодно, и сколько ему возможно.

Усердно прошу Вашей молитвенной памяти о моемъ недостойнствѣ.

Искренно желаю Вамъ отъ всеблагаго Господа всякихъ милостей, благопотребныхъ для жизни настоящей и будущей, съ истиннымъ почтеніемъ и братскою любовію честь имѣю быть

Вашего Высокопреподобія
покорнѣйшимъ слугою

Евсевій, А. Могилевскій.

Январ. 11 д. 1873 года.
Могилевъ на Днѣпрѣ.

40.

Высокопреподобнѣйшій Отецъ Ректоръ,
Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Усердно благодарю Васъ за одно и другое Ваше братолюбное писаніе. Хотѣлъ я и нынѣ и завтра отвѣчать на первое письмо, и дождался втораго.

Благодарю Васъ и за благословенія, присланныя при томъ и другомъ писаніи, разумѣю просфоры.

Слава Богу, что икона Святыхъ Троицы такъ хорошо исполнена, какъ Вы описываете. Много благодарю Васъ и за сіе: Вашимъ добрымъ усердіемъ это начато и исполнено. Прошу устроить приличный иконостасецъ. Что потребуется, какъ писалъ я прежде, въ восполненіе, увѣдомьте: дополню съ благодарностію.

Благодарю премного за Ваше молитвенное воспоминаніе о

моемъ недостоинствѣ. Да воздасть Вамъ Господь Своими богатыми милостями.

А кто художникъ, писавшій Св. Икону? И что бы я могъ прислать ему въ благословеніе? Не зная человѣка, неудобно рѣшается такой вопросъ. Если Вамъ удобно, скажите мнѣ когда-нибудь объ этомъ слово.

О кончинѣ Вашей матушки узналъ я только изъ Вашего письма. Да водворить ее Господь въ селеніяхъ праведныхъ, во свѣтъ лица Своего! Ее замѣнила около Васъ Юлія Васильевна ⁵⁸⁾. Благодарю ее за память. Передайте ей мое почтеніе и благословеніе.

Родъ проходитъ, родъ приходитъ; земля во вѣкъ стоитъ. Часто припоминаются мнѣ эти слова Екклесіаста ⁵⁹⁾. Повсюду эта истина подтверждается опытомъ; на ряду съ другими и мы подлежимъ силѣ сего закона. Сколько прошло—и сколько пришло—на нашей памяти!

Гдѣ-то напечатано въ газетѣ, что Егоръ Васильевичъ ⁶⁰⁾ избранъ Головою Сергіевскаго посада: правда ли это? Состоялось ли избраніе, или утверждено ли оно? Если правда, поздравьте отъ меня его головенство. А мнѣ пріятно было слышать объ этомъ. Надобно же когда нибудь Моск. Д. Академіи оказать услугу и Сергіевскому Посаду, не какую нибудь вещественную, въ которой недостатка не было, но гражданскую и нравственную, основанную на началахъ духовнаго просвѣщенія.

Вопросовъ много и на другихъ путяхъ преобразованій. По видимому, въ этомъ можетъ оказать дѣйствительную помощь тотъ законъ измѣняемости, о которомъ упомянулъ я словами Премудраго. Онъ можетъ ослабить ту упругость вліяній, которая во многомъ была причиною не соответствующихъ цѣли перемѣнъ въ преобразованіи.

Мастера для устройства портрета, о которомъ Вы упомянули въ первомъ письмѣ, въ Могилевѣ нѣтъ. Былъ хорошій мастеръ года три назадъ, Академикъ: но больной, и скоро оставилъ Могилевъ, отправившись въ Москву для

⁵⁸⁾ Сестра А. В. Горскаго.

⁵⁹⁾ Екклес. I, 4.

⁶⁰⁾ Амфитеатровъ (1815—1888 гг.) проф. всеобщей словесности и эстетики. Былъ городскимъ головою Сергіевскаго посада, до самой смерти, въ 1888 г.

поправленія здоровья, и, слышно, давно почилъ. А если откроется возможность, не откажусь удовлетворить Вашему желанію.

Писемъ я столько послалъ, сколько мнѣ передано. и, кажется, передано мнѣ столько, сколько было ихъ найдено. Могло случиться, что письма, о коихъ Вы упоминаете, попали въ другія руки, или затеряны.

Іеродіаконъ Сергій таеъ при воспоминаніи о Вашей добротѣ и о Вашемъ радушіи, съ какимъ Вы приняли его. Онъ мнѣ довольно говорилъ, а все ли пересказалъ, не знаю. Можетъ быть, и дополнить, если я спрошу на досугѣ.

Въ заключеніе, поздравляю Васъ съ приближающимся Свѣтлымъ праздникомъ. Свѣтъ Христовъ да просвѣщаетъ Васъ вѣну и исполняетъ Васъ небесною радостію. Свѣтъ Христовъ да озаряетъ и всѣхъ Вашихъ сотрудниковъ и воспитанниковъ, и даруетъ всѣмъ свѣтитъ къ прославленію имени Его, Спасителя и Бога нашего.

Съ истиннымъ почтеніемъ и братскою о Господѣ любовію
Честъ имѣю быть

Вашего Высокопреподобія
покорнѣйшимъ слугою

Евсевій, А. Могилевскій.

Апрѣл. 3 д. 1873 г.

41.

Высокопреподобнѣйшій Отецъ Ректоръ,
Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Виноватъ я моею косностію. На письмо Ваше отъ 16 Апрѣля отвѣчаю отъ 18 Іюня: сознаю вину, и прошу покрыть ее Вашею любовію. Ждалъ я внѣшняго побужденія, что бы писать къ Вамъ, и дѣйствительно дождался, о чемъ скажу ниже. А между тѣмъ надобно было мнѣ ѣхать въ епархію, и я провелъ въ этомъ путешествіи довольно времени—съ 15 Мая по 8-е Іюня. Отправляясь въ дорогу, располагался отвѣчать съ дороги; но занятія съ утра до вечера до того утомляли, что я спѣшилъ искать ночнаго отдыха. Каждый день служилъ и послѣ каждой литургіи говорилъ слово, какое находилъ болѣе соответствующимъ или читанному Евангелію или обстоятельствамъ; иногда говорилъ и на всеобщемъ;

изрѣдка и по литіи обычной, гдѣ не совершалъ ни литургіи, ни всенощнаго. Но, извините, я устранился отъ дѣла.

Благодарю, много благодарю Васъ за Ваши благожеланія во имя Господа Спасителя, для нашего спасенія умершаго и воскресшаго и возшедшаго на небеса.

Благодарю Васъ за привѣтствіе съ Монаршею милостію. Высоко цѣню знакъ Монаршаго вниманія. Знакъ внушаетъ мнѣ, чѣмъ я долженъ быть. Онъ мнѣ напоминаетъ Апостольскія слова: Христови сораспяхся: живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ: а еже нынѣ живу во плоти. вѣрую живу Сына Божія, возлюбившаго мене и предавшаго Себе по мнѣ ⁶¹⁾.

Благодарю Васъ и за слово наставленія касательно художника. Какъ найду удобнымъ, пришлю на Ваше имя, и попрошу Васъ передать книгу ему.

Еще благодарю Васъ и за извѣстіе о Вашемъ сотрудникѣ, и моемъ бывшемъ.

Теперь позвольте сказать и о томъ, что отвлѣ побудило меня писать къ Вамъ. Слово о г. Злобинѣ. По возвращеніи моемъ изъ епархіи получилъ я отъ него письмо, въ которомъ онъ просилъ меня, что бы я спросилъ Владыку Тульского ⁶²⁾, дастъ ли онъ ему священническое мѣсто, т. е. то, котораго искалъ онъ, ища руки моей родственницы, и до рѣшенія этого вопроса, пишетъ, онъ удерживается искать увольненія изъ Академіи. Это мнѣ дало мысль, что г. Злобинъ отступаетъ отъ своего прежняго намѣренія. Можетъ быть, онъ обдуманно задалъ мнѣ вопросъ, на который трудно отвѣчать. Владыку Тульского просилъ я о возможной милости, и онъ отвѣчалъ мнѣ чрезъ посредствующее лице (а самъ онъ почти не пишетъ писемъ), что онъ сдѣлаетъ возможное. Послѣ этого снова просить о томъ, о чемъ пишетъ г. Злобинъ, нахожу неудобнымъ. Онъ, Злобинъ, вызывался самъ просить Владыку о милости: это иное дѣло: это не затруднить Владыку отвѣчать прямо по своей мысли.—Да и какъ Владыкѣ отвѣчать на подобный вопросъ отъ меня о лицѣ, которое еще состоитъ въ числѣ Студентовъ Академіи?

⁶¹⁾ Галат. II, 19. 20.

⁶²⁾ Архiep. Никандра Покровскаго (сконч. въ 1893 г.).

Думаю, что г. Злобинъ на что нибудь рѣшился, несогласное съ своими прежними планами. Можетъ быть, онъ не хотѣлъ прямо сказать отрицаніе, и потому задалъ задачу, которой рѣшеніе не по его мысли можетъ служить нѣкоторымъ оправданіемъ его опрометчивыхъ дѣйствій впереди. Подобные помыслы мнѣ встрѣчались прежде. Не писалъ я объ нихъ роднымъ, не давая вѣры своимъ помысламъ. Однажды хотѣлъ было послать и денегъ въ пользу его; но удержался, до уясненія дѣла. Васъ покорнѣйше прошу, не уясните ли Вы этого дѣла? Прошу любовь Ващу: спросите у г. Злобина, на что онъ рѣшился? Скажите притомъ и то, что Тульскаго Владыку, въ смыслѣ его письма, я не нашель возможнымъ просить. Могу я просить его о милости къ сиротамъ; но опредѣлить способъ милости для него нахожу неприличнымъ; у каждаго начальника есть свои взгляды и свои правила; просить измѣненія ихъ нахожу неудобнымъ. Просить объ этомъ можно, но не мнѣ. Покорнѣйше прошу Васъ, скажите мнѣ слово. Вдова съ сиротами нуждается въ свѣдѣніи о томъ, чѣмъ дѣло кончится. Если дѣло не пойдетъ на ладъ, то надобно же имъ узнать горькую истину, или ошибку. Теперь я не могу имъ ничего сказать, до полученія слова отъ Васъ. Прошу Васъ и о томъ: простите меня, что занимаю Васъ такимъ дѣломъ въ то время, когда у Васъ много важнѣйшихъ дѣлъ службы. Ваша любовь къ бѣднымъ успокоиваетъ меня.

Съ 12-го Іюня живу я въ Печерскѣ. Около меня теперь господствуетъ цвѣтущая зелень. Если бы Отцу Ректору Моск. Д. Академіи пришла мысль отдохнуть среди зелени: то, думаю, ему пріятно было бы отдохнуть среди Могилевск. зелени. Могилевск. архіерей до Сентября предполагаетъ быть въ Печерскѣ. Онъ съ радостію встрѣтилъ бы Гостя, и предварительно, просилъ бы, сказать слово: буду тогда-то. Но, полагаю, все въ десницѣ Промысла Божескаго, пекущагося и о воробьяхъ, которыхъ множество передъ моими глазами, живущихъ около меня: къ этому разряду дѣйствій Промысла принадлежатъ и наши желанія, и ихъ исполненіе или неисполненіе. Да будетъ во всемъ воля Вседержителя.

Отъ всей души желая Вамъ добраго здоровья, и благопоспѣшенія во всѣхъ дѣлахъ Вашихъ, и всякаго благопо-

лучія отъ всецѣдраго Бога, съ искреннимъ почтеніемъ и братскою любовію

Честь имѣю быть
Вашего Высокопреподобія
преданнѣйшимъ слугою

Евсевій, А. Могилевскій.

Іюня 18 д. 1873 года.

Могилевъ на Днѣпрѣ.

Печерскъ.

42.

Высокопреподобнѣйшій Отець Ректоръ,
Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Благодарю Васъ усердно за Ваше посланіе отъ 22 Іюня, за Ваши благожеланія и напominанія по воспоминанію о моемъ небесномъ Покровителѣ, и о знаменіи крестномъ. Много благодарю Васъ за братскую любовь Вашу.

Толкаютъ Васъ съ мѣста—это вѣрно Ваши благожелатели. Это необходимо. Уважьте ихъ благожеланіе, и двиньтесь съ мѣста, чтобы послѣдовать закону движенія, и удовлетворить требованіямъ природы. А можетъ быть, благая мысль двинетъ на Москву, на Смоленскъ, на Оршу; доселѣ путь на крылахъ огненныхъ ⁶³⁾, а отъ Орши настоятель Покровск. монастыря и Смотритель Оршанскаго Духовнаго Училища дастъ экипажъ на проѣздъ 70 верстъ, до Могилева и до Печерска. Могилевск. архіерей почель бы это событіе даромъ неба. Впрочемъ, это его мечта. Сбудется ли она когда нибудь, отъ него сокрыто. А природа около меня очень пріятна по своему естественному и частію искусственному расположенію и виду.

Благодарю Васъ за слово о Злобинѣ. О дѣлѣ его съ мѣста моей родины не слышу; а по поводу Вашего слова буду неотложно писать.

О Московск. Владыкѣ ничего не слышу. О дѣлѣ игум. Митрофаніи ⁶⁴⁾ знаю изъ газетъ. Случай, Вами помянутый, назидателенъ. Онъ учитъ, какая нужна осторожность и въ

⁶³⁾ Т. е. по желѣзной дорогѣ.

⁶⁴⁾ Объ игуменьѣ Митрофаніи см.: А. Ф. Кони, — „На жизненномъ пути“ т. I, гл. IV-ая.

добрыхъ дѣлахъ. А около начальниковъ возможность неосторожности въ дѣланіи, повидимому, милости, часто встрѣчается.

Понимаю Ваши скорби по упомянутымъ случаямъ. Помянутое въ газетахъ возбуждало въ моей мысли много вопросовъ; но не предлагаю ихъ. Если Богъ велитъ встрѣтиться съ Вами лично, спрошу. Въ настоящее время много споровъ въ различныхъ сферахъ общественной дѣятельности, и много будетъ поводовъ къ нимъ при новыхъ преобразованіяхъ. Терпѣнія и твердости разумной потреба...

Здѣсь гоститъ О. Инспекторъ Кіевской Д. Академіи, Архимандритъ Сильвестръ ⁶⁵⁾. Впрочемъ, онъ не гоститъ, а пользуетъ свои слабые глаза, при содѣйствіи простой лѣкарки. Живетъ у своего товарища по Академіи, Смотрителя Могил. Д. Училища. Кажется, пробудетъ здѣсь до послѣднихъ чиселъ Іюля,—чтобы только возвратиться въ Кіевъ ко дню юбилея Кіевск. Владыки Митрополита ⁶⁶⁾.

А я связанъ дѣлами, которыя не дозволяютъ мнѣ оставить Могилевъ. Необходимый выѣздъ, для обзрѣнія церквей, замѣняетъ мнѣ выѣздъ для движенія, какой Вамъ рекомендую. Хотя путешествіе, для показанной цѣли, не есть отдыхъ, и для меня—это труднѣйшее занятіе, но движеніе есть, и послѣ этой работы пріятно возвратиться въ келью, какъ бы послѣ работы въ полѣ.

Душевно желаю и молю Господа, да миръ Божій будетъ съ Вами и сущими около Васъ.

Съ душевнымъ почтеніемъ и братскою любовію
есмь и пребуду
Вамъ преданный

Евсевій, А. М.

Іюн. 28 д. 1883 г.
Могилевъ на Днѣпрѣ.

⁶⁵⁾ Малеванскій, впоследствии епископъ Каневскій, викарій Кіевскій, и Ректоръ Кіевской Духовной Академіи.

⁶⁶⁾ Арсенія (Моеквина), пятидесятилѣтній юбилей служенія въ священномъ санѣ котораго праздновался 6 августа 1873 г.